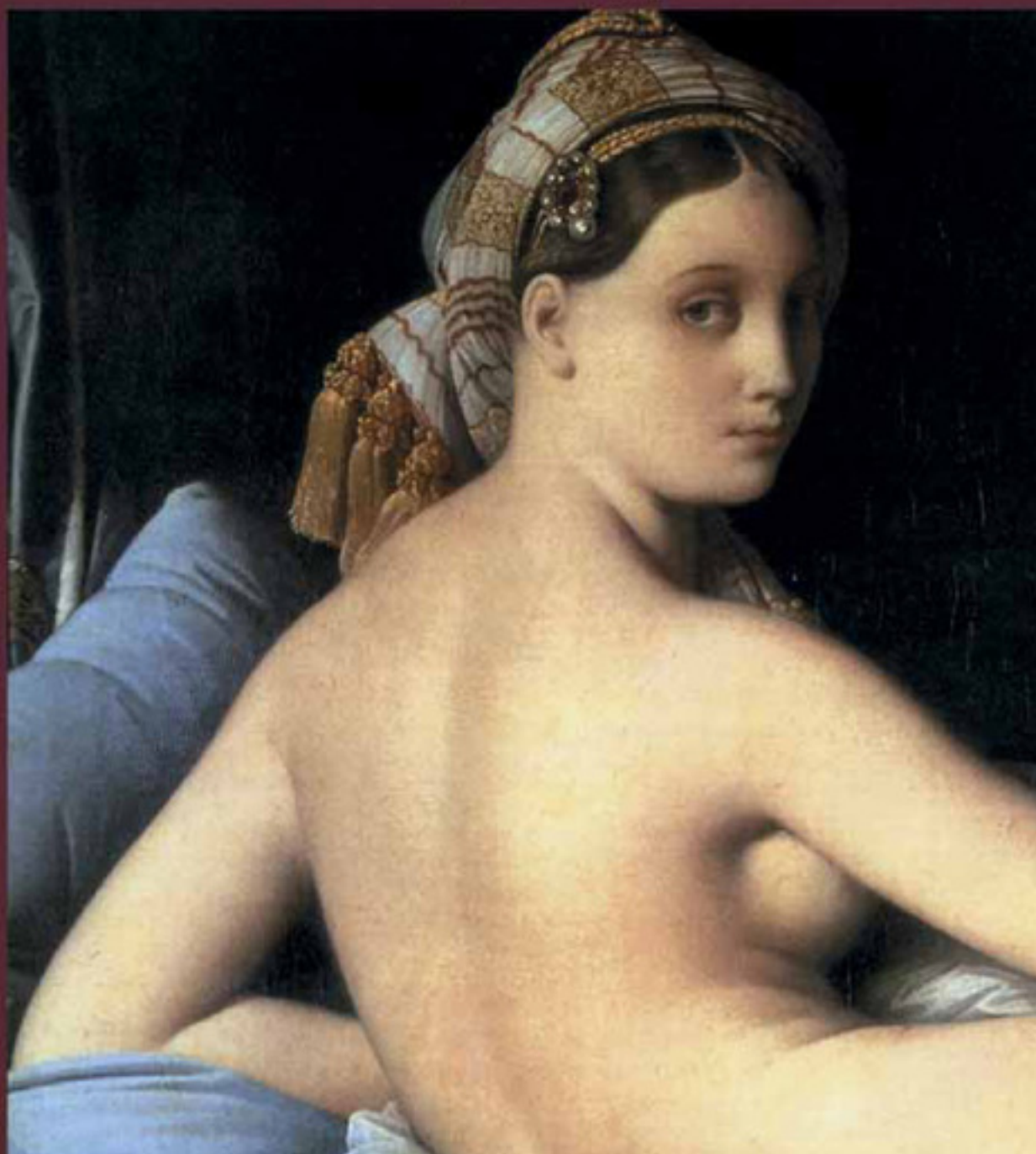

Ги Бретон

История любви
в истории Франции

Ги Бретон
Наполеон и Мария-Луиза
Серия «Истории любви в истории Франции», книга 8

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=132616

*История любви в истории Франции: Т. 8. Наполеон и Мария-Луиза / Пер. с фр. В. В. Егорова:
Этерна; Москва; 2014
ISBN 978-5-480-00059-7, 978-5-480-00334-5*

Аннотация

«...Расставшись на вершине славы с той женщиной, которую с суеверной восторженностью называл “своим добрым ангелом”, император вручил свою душу и тело возненавидевшей его чувственной принцессе. Став марионеткой в опытных руках этой молодой женщины, которой удалось сделать для него свою постель самым упоительным полем битвы, за четыре года он потерял империю, которую создавал на протяжении целых пятнадцати лет непрерывной борьбы.

Вот уже сто пятьдесят лет, как историки не могут найти ответа на один и тот же вопрос: побуждая властелина Европы изнурять себя любовными утехами, не следовала ли Мария-Луиза родительскому наказу? Историки утверждают, что император Австрии Франциск I дал своей дочери весьма определенные указания относительно того, что именно она должна делать, чтобы разрушить здоровье Наполеона. Неспособные его победить в честном бою, они сговорились одержать над ним победу через его постель. Таким путем враги самого великого полководца всех времен и народов нашли только единственное оружие для борьбы с ним – женщину...»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	29
Глава 6	32
Глава 7	36
Глава 8	42
Глава 9	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ги Бретон

История любви в истории Франции:

Т. 8. Наполеон и Мария-Луиза

Любовь – времяпровождение для праздного человека, развлечение для воина, подводный камень для государя.
Наполеон

Моим дочерям Катрин и Франсуазе

GUY BRETON
HISTOIRES D'AMOUR DE
L'HISTOIRE DE FRANCE

Старинная корсиканская пословица гласит: «Женищина сначала создает мужчину, а затем его уничтожает».

Эта народная мудрость как нельзя лучше подходит к истории жизни Наполеона I. Став великим человеком благодаря Жозефине и Дезире Кларе, он был повержен во прах по вине Марии-Луизы.

Расставшись на вершине славы с той женщиной, которую с суеверной восторженностью называл «своим добрым ангелом», император вручил свою душу и тело возненавидевшей его чувственной принцессе. Став марионеткой в опытных руках этой молодой женщины, которой удалось сделать для него свою постель самым упоительным полем битвы, за четыре года он потерял империю, которую создавал на протяжении целых пятнадцати лет непрерывной борьбы.

Вот уже сто пятьдесят лет, как историки не могут найти ответа на один и тот же вопрос: побуждая властелина Европы изнурять себя любовными утехами, не следовала ли Мария-Луиза родительскому наказу? Именно так считают некоторые историки, любители копаться в архивах. Они утверждают, что император Австрии Франциск I дал своей дочери весьма определенные указания относительно того, что именно она должна делать, чтобы разрушить здоровье Наполеона. Неспособные его победить в честном, бою, они сговорились одержать над ним победу через его постель. Таким путем враги самого великого полководца всех времен и народов нашли только единственное оружие для борьбы с ним: женщину...

В самом, деле, ахиллесова пята Наполеона располагалась в довольно любопытном месте...

Глава 1

Когда Марии-Луизе было пятнадцать лет, она забавлялась тем, что «перерезала горло» Наполеону

Она была самой кроткой из всех маленьких девочек.
Симон Бувье

16 января 1806 года в гостиной дворца Шенбрунн, расположившись на ковре перед огромным камином, в котором, весело потрескивая дровами, плясал огонь, играли в деревянных солдатиков мальчик и девочка.

Эти дети заслуживают нашего внимания, и вот по каким причинам: прежде всего из-за толстой и немного отвислой нижней губы, которая досталась им от их прадедушки – самой непривлекательной внешности, какую можно себе представить, по странной иронии судьбы называвшегося Филиппом Красивым, – и была передана потомкам через Карла Пятого, а также потому, что они были детьми Франца I Австрийского.

В самом деле, речь идет о двенадцатилетнем эрцгерцоге Фердинанде и пятнадцатилетней эрцгерцогине Марии-Луизе.

Расставив своих солдатиков лицом друг к другу у противоположных стен комнаты, они уже были готовы начать великую битву, но в самый последний момент между ними разгорелся спор, каким войском придется каждому командовать: ни Фердинанд, ни Мария-Луиза не хотели командовать войсками французов.

– Мне нужны только преданные воины, но никак не кровожадные вершители революции, – сказала эрцгерцогиня.

Эрцгерцог парировал, что он рожден наследником императора и ему не позволительно предводительствовать ордами дикарей.

И сплюнул себе под ноги. Но девочка, взгляд голубых глаз которой внезапно изменился, придав ее лицу суровое выражение, твердо заявила, что она скорее откажется от игры, чем будет вести в бой «армию грубых неотесанных мужиков», разбивших под Аустерлицем войска ее отца.

В конце концов дети согласились вдвоем командовать австрийской армией, чтобы разбить в пух и прах французов.

Выбрав самого уродливого солдатика и нарисовав ему на лбу прядь волос, Мария-Луиза сказала:

– Вот он и будет у нас **корсиканцем**¹!

И как только она поставила фигурку, изображавшую Наполеона во главе полков противника, началась жестокая схватка. Унаследовав от своих предков горячий темперамент, принц и принцесса со всей решительностью повели свои войска в атаку на врага. Разгорелось сражение не на жизнь, а на смерть. Под градом шариков, камешков и кубиков «французы» были опрокинуты, сметены, уничтожены под воинственные детские крики. Этим детям явно не хватало, по правде говоря, одного: милосердия...

После того как были убиты все солдаты, представлявшие Великую армию, Фердинанд и Мария-Луиза, в состоянии крайнего возбуждения, продолжали топтать ногами, добивали раненых, разрывали знамена, расплющивали каблуками головы врагов.

И наконец, пришла очередь «корсиканца», которым завладела эрцгерцогиня:

– Мне кажется, он слишком легко отделался. Перережем-ка ему горло.

Взяв булавки со столика для рукоделия, она стала яростно вонзать их в глаза, нос и грудь солдата².

– Чудовище! Чудовище! – кричала она.

Когда фигурка была уже вся покрыта булавками и стала похожей на ежика, девочка со всей силы ударила ею об стену...

Мария-Луиза питала ненависть к Бонапарту с самого раннего детства. Когда ей было всего пять лет, Великий консул представлялся ей людоедом. Позднее он стал для нее сообщником злодеев, приговоривших ее родную тетю Марию-Антуанетту к гильотине. А два месяца назад он превратился для нее в захватчика по той простой причине, что в ноябре 1805 года все члены императорской семьи были вынуждены покинуть Вену в поисках убежища...

И все другие, доходившие до нее сведения, никак не могли изменить ее отношение к «корсиканскому чудовищу», а скорее наоборот. Император Франц I регулярно получал из Англии цветные карикатуры на «маленького Бонапарта», на которых тот изображался тщедушным, уродливым и часто горбатым карликом во фригийском колпаке, помогавшим палачу на покрытом кумачом помосте гильотины разрывать Европу на части. Но самое худшее о нем она узнала позднее. Когда неукоснительно соблюдавшей все церковные обряды Марии-Луизе было двенадцать лет, ее благочестивую душу оскорбил поступок Бонапарта в Египте, о котором она узнала от матери. Вот, кстати, письмо, которое она написала по этому поводу в 1803 году:

«Мама сообщила мне название романа, который она намеревается заказать во Франции. Она считает, что книга “Плутарх юности” уже знакомого нам по двум предыдущим книгам Бланишара о жизни знаменитых людей от Гомера до Бонапарта может оказаться для нас полезной. Я думаю, что если бы автор закончил свое произведение не Бонапартом, а Франциском II, совершившим великие деяния, восстановив Терезаний, то его произведение несомненно выиграло бы по той простой причине, что Наполеон в своей жизни только и делал, что творил несправедливости, отнимая у законных государей принадлежавшие им по праву престолы.

Мама мне рассказала о том, как после разгрома французской армии Бонапарт чудом избежал смерти с двумя или тремя приближенными, сделав вид, что переменял веру: “Не считайте меня вашим врагом, я мусульманин, – воскликнул он. – Для меня нет никого выше, чем великий пророк Магомет”. А по возвращении во Францию он снова стал католиком...»³

Своим цинизмом такой поступок не мог не возмутить Марию-Луизу.

И наконец, юная эрцгерцогиня неоднократно слышала рассказы людей, которым она полностью доверяла, что Наполеон колотил своих министров как простых грузчиков, раздавал пощечины провинившимся епископам, собственноручно казнил своих генералов, которые имели несчастье проиграть сражение...

Следует признать, что такие свидетельства отнюдь не внушали симпатии к Наполеону.

Ничего удивительного не оказалось в том, что Мария-Луиза в своем ребяческом задоре, ни секунды не колеблясь, предала злодея символической смерти.

Маленькая эрцгерцогиня, разумеется, не все свое время посвящала этим жестоким играм. Понимая, что настанет день, когда для укрепления международного авторитета Австрии ей придется выйти замуж за одного из монархов Европы, она училась всему, чем полагалось владеть принцессам: музыке, рисованию, верховой езде, игре в бильярд, хорошим манерам, языкам. Она могла объясниться по-немецки, по-английски, по-турецки, по-испански, по-итальянски, по-французски, чтобы иметь возможность беседовать со своим будущим супругом, откуда бы он ни был родом.

Однако, чтобы при заключении любого брачного договора можно было выдвигать свои условия и требования, Марии-Луизе представлялось необходимым сохранить девственность. Общение с кузеном, садовником, учителем, чреватое беременностью, нарушило бы планы дипломатов и изменило бы судьбу Европы...

Император, который на своем примере знал о горячем темпераменте, а также о плодотворности женщин австрийского династического дома, решил лично проследить за добродетельностью Марии-Луизы. И чтобы прелестное дитя не совершило непоправимой ошибки, пытаясь удовлетворить нездоровое любопытство, от нее постарались скрыть то главное, чем мужчина отличается от женщины...

Что требовало, несомненно, постоянных усилий. Фредерик Массон писал: «С предосторожностями, свойственными лишь казуистам великой испанской школы, окружение Марии-Луизы прибегло к ханжеским, если не сказать неприличным, ухищрениям. На птичьем дворе были только одни несушки и ни одного петуха; в клетках не было канареек-самцов, а в коридорах дворца нельзя было встретить ни одного кобеля – одни лишь суки. Из книг – и каких невинных произведений! – ножницами вырезались страницы, строчки и даже слова. Но цензорам было невдомек, что эти дыры наводили эрцгерцогиню лишь на странные мысли...»⁴

Вот почему, достигнув пятнадцатилетнего возраста, благодаря неправильной информации, плохо осведомленная в вопросах пола, будущая французская императрица наивно полагала, что ее отец был женщиной.

Однако австрийский император в действительности был самым настоящим мужчиной, обладавшим завидным темпераментом, которым он распоряжался с поистине императорской щедростью, не обходя своим вниманием ни одну особу женского пола, встречавшуюся у него на пути, лишь бы у нее была приятная внешность, хорошая фигура, высокая грудь и стройные ножки.

Император, неутомимый в своих поисках какой-либо смазливой субретки, дамы-компаньонки или, на худой конец, пышнотелой кухарки, с самого рассвета и до заката расхаживал по дворцу, озираясь по сторонам с видом хищника, выслеживающего свою добычу, которой он тут же, без лишних формальностей, демонстрировал свое мастерство.

Казалось бы, что к ночи он должен был валиться с ног от усталости. Но не тут-то было! К вечеру он только лишь обретал свою настоящую форму и входил во вкус. Со страстью молодожена он устремлялся в супружескую спальню, и его последний за день натиск с большим трудом приходилось отражать Марии-Терезии.

Бедная женщина не разделяла пылкого темперамента своего супруга. Подарив ему семнадцать детей, она скончалась при исполнении супружеских обязанностей. Ее похоронили 13 августа 1807 года.

Не прошло и девяти месяцев, как император женился на своей племяннице, прелестной Марии-Людвиге Десте, которая была старше Марии-Луизы всего на четыре года. Когда в Шенбрунн прибыла молодая мачеха, приходившаяся Марии-Луизе кузиной по германской линии, то молодую принцессу вначале охватило чувство ревности. Однако Марии-Людвиге удалось постепенно приручить юную Марию-Луизу. В конце концов молодые девушки стали неразлучными подругами. Они вдвоем собирали гербарий, танцевали, занимались рукоделием и учились рисовать пейзажи. Но в четыре часа пополудни эрцгерцогиня отправлялась полдничать на траве с дочерью своей гувернантки, а молодая императрица удалялась в спальню для выполнения странного супружеского ритуала. Она каждый день писала своему мужу письма крайне фривольного содержания, которые с большим удовольствием прочитывал на досуге император⁵.

Заполнив добросовестно четыре страницы непристойностями, вольными описаниями любовных сцен, сладострастными воспоминаниями, Мария-Людовика отправлялась к своей падчерице, с которой играла в детскую игру – в кошки-мышки...

В начале 1809 года Мария-Луиза и Мария-Людовика были вынуждены прервать свои мирные забавы, так как войска Наполеона в очередной раз приближались к Вене, и им пришлось в поисках убежища направиться в Вену. Именно там они узнали о результатах сражения при Эслинге, где было убито двадцать семь тысяч австрийцев. С той поры эрцгерцогиня не жалела крепких словечек и проклятий в адрес французского императора.

– Это же настоящий антихрист, – говорила она. – Кто же, наконец, избавит человечество от этого чудовища?

Каждый вечер перед сном она молилась, чтобы ее дяде, эрцгерцогу Карлу, удалось сокрушить Наполеона. Потом, уже лежа в постели, она с наслаждением мечтала о том, каким бы мучениям и пыткам она подвергла своего врага. Смежив веки и улыбаясь своим богам, она представляла себе, с какой радостью вырвет его глаза, вонзит ему нож в живот или же сварит его живьем на медленном огне. Воображая душераздирающие крики своей жертвы, она испытывала неизъяснимое блаженство.

Поражение австрийцев при Ваграме повергло будущую императрицу в уныние.

– Плакала наша корона! – повторяла, рыдая, Мария-Луиза.

Она еще не могла знать о том, что усилиями отца ей была уготована судьба спасительницы Австрии и что с ее помощью изменится весь ход мировой истории.

С некоторых пор император Франц I с большим интересом следил за секретными переговорами, которые велись между Парижем и Санкт-Петербургом о возможном браке между великой княжной Анной и Наполеоном, который, достигнув вершины своего могущества и славы, мечтал взять в жены принцессу, способную дать ему наследника и состоящую в родственных отношениях со всеми коронами Европы. Однако переговоры затянулись, благодаря вмешательству матери русского царя, которая ненавидела Наполеона. Узнав, что переговоры отложены, Франц I понял, что настал благоприятный момент бросить козырную карту, возможно последнюю, не дожидаясь полного краха Австрии. Если бы ему удалось выдать свою дочь замуж за Наполеона, то он смог бы предотвратить образование союза Франции с Россией.

Он решил поделиться своим замыслом с советниками, которые целиком его поддерживали, а один из них, барон Брандау, заявил:

– Таким путем мы свяжем руки самому опасному противнику, которого мы не встречали еще со времен нашествия 1683 года...

Вскоре императору Австрии пришла в голову мысль, поистине достойная Макиавелли, которая впоследствии помогла Европе избавиться от ее пугала. Рассудив, что Наполеон, которому к тому времени уже перевалило за сорок, физически довольно поизносился, а Марии-Луизе только что исполнилось восемнадцать лет, и она отличалась крепким здоровьем и юной свежестью, Франц I решил, что в объятиях молодой и темпераментной (ибо исключительные любовные качества были присущи всем представителям австрийского дома) жены корсиканец неминуемо и быстро предастся сексуальным излишества, которые окончательно разрушат его организм и приведут к развитию преждевременного атеросклероза мозга.

Когда он поделился своими планами с Меттернихом, последний воскликнул:

– Этот брак должен состояться как можно скорее!

В начале 1809 года Наполеон, не терявший надежды жениться на дочери русского царя, развелся с Жозефиной и официально объявил о том, что намерен взять в жены принцессу королевской крови...⁶

Пришедшая в смятение Европа со страхом задавалась вопросом: на ком остановит свой выбор император? Именно тогда ловкий Меттерних совершил удачный ход конем, пустив слух о кандидатуре Марии-Луизы. И вскоре он с большим удовлетворением прочитал письмо, полученное от господина Фахненберга:

«30 декабря, Ратисбонн

Известие о разводе императора Наполеона со своей супругой произвело здесь сенсацию. Все доводы, которые приводят в его оправдание, далеко не убедительны. Ведь даже Карл Великий, который по настоянию своей матери Бертрады развелся со своей первой женой Химильтрудой, для того чтобы жениться на дочери короля Ломбардии Дидье, очень скоро раскаялся в этом своем жестоком поступке.

В зависимости от выбора супруги императором Франции изменится политическая ситуация. Одни считают, что он остановит свой выбор на ее императорском высочестве эрцгерцогине Марии-Луизе, другие полагают, что Наполеон женится на Шарлотте-Августе, наследной принцессе английского королевского дома, или на великой княжне Анне Павловне, а третьи претендуют на то, что невестой Наполеона станет королева Голландии⁷, после того как она официально разойдется со своим мужем».

К этим предположениям он добавил следующую приписку, заставившую улыбнуться Меттерниха:

«Первое предположение, возможно, является самым правдоподобным, так как соображения высокой политики подсказывают необходимость скрутить мирового разрушителя с помощью нежных любовных уз и родственных отношений. Несомненно, что Марии-Луизе придется нелегко – принести себя в жертву, которая может стать еще более тяжелой из-за неприятных воспоминаний. Однако благополучие австрийской монархии требует возврата завоеванных Наполеоном провинций в качестве свадебного подарка невесте».

Разумеется, что Мария-Луиза не была посвящена в намерения своего отца. Так, 10 января 1810 года, в то самое время, когда первые предложения о возможном браке сочетания со стороны австрийского дома достигли Парижа, она писала графине де Колоредо, своей подруге, вот такое наивное послание:

«Буда такой же город, как Вена. И здесь только и говорят что о разводе Наполеона. Я выслушиваю все разговоры, и они меня совсем не волнуют. Мне только жалко ту несчастную принцессу, которую он выберет себе в жены. Я уверена в том, что не стану жертвой политических интриг. В самых осведомленных кругах Вуды называют кандидатуры дочери принца Максимилиана Саксонского и принцессы Пармской».

Спустя несколько дней, читая газету, она с ужасом узнала, что ее имя упоминается в Париже как возможная кандидатура на роль невесты Наполеона, который, отказавшись породниться с русской короной, совсем был непрочь стать с помощью австрийской принцессы «племянником» Людовика XVI...

Дрожа от страха, она писала мадемуазель де Путте:

«Чтобы сделать подобное предложение, Наполеон слишком напуган, что ему откажут, к тому же он всячески старается причинить нам зло, а мой папа слишком добр ко мне, чтобы без моего согласия решить вопрос столь великой важности».

В течение всего последующего месяца Мария-Луиза, ничего не зная о переговорах с Францией, ведущихся за ее спиной, пыталась убедить себя в том, что слухи о ее браке с корсиканцем были всего-навсего выдумкой досужих журналистов. Каждый вечер она долго молилась о том, чтобы этот «ужасный» брак не состоялся, а она смогла бы выйти замуж за того человека, которого любила: своего кузена эрцгерцога Франца Австрийского. Однако ее мечтам не суждено было осуществиться. В феврале Меттерних сообщил ей о том, что он официально уполномочен Наполеоном просить ее руки у Франца I.

Бедняжка едва не лишилась чувств.

– Я содрогаюсь от ужаса при одной только мысли, что мне придется с ним увидеться, – сказала она. – Для меня такая встреча хуже любой самой страшной пытки.

Однако, подумав, она спросила:

– А какова воля моего батюшки?

Меттерних, посмотрев ей прямо в глаза, ответил:

– Он доверяет решение вам.

Но тон его ответа не оставлял никаких сомнений. Понимая, что ее личное счастье принесется в жертву политическим интересам, она, сквозь слезы, прошептала:

– Я поступлю так, как того желает мой дорогой папочка!

И с этого часа ее жизнь превратилась в сон наяву. 16 февраля в Париж было направлено сообщение о ее положительном ответе, а 23 февраля она уже получила от корсиканца первое любовное послание. 24 февраля состоялась официальная помолвка, а 4 марта в Вену прибыл маршал Бертье. 8 марта состоялась церемония передачи невесте миниатюрного портрета Наполеона, который в торжественной обстановке был ей повешен на шею, а 9 февраля Бертье и Меттерних уже подписали контракт, который был переписан с оригинала брачного контракта, заключенного между Дофином, будущим Людовиком XVI, и Марией-Антуанеттой. Вечером того же дня, чтобы вся Европа прониклась значением этого союза, по распоряжению Франца I давали «Эфигению в Эвли-де», 11 марта в соборе Св. Этьена Мария-Луиза была заочно обручена с человеком, которого она ненавидела всей душой...⁸

13 марта она прощалась со своей семьей. И прежде чем подняться в экипаж, который должен был увезти ее в далекую Францию, которую она с детства невзлюбила, она, обратившись к своему отцу, произнесла загадочную фразу:

– Я постараюсь сделать все возможное для вашего и моего благополучия.

Остается до сих пор неразрешенным вопрос о том, посвятил ли ее Меттерних в коварный план, задуманный императором Францем? Некоторые историки отвечают утвердительно. Например, Жерар Деспо пишет, что «Мария-Луиза выехала во Францию с определенным заданием, получив от отца указание разрушить здоровье Наполеона, ослабить его силы и снизить его интеллектуальный потенциал, чтобы сокрушить его могущество и дать Европе свободно вздохнуть»⁹.

Получила ли на самом деле такие указания Мария-Луиза?

Никто уже об этом никогда не узнает.

Тем не менее остается неоспоримым тот факт, что на протяжении четырех лет она действовала в точном соответствии с планом, разработанным с коварством Макиавелли австрийским императором...

Глава 2

Первая брачная ночь Наполеона вызвала при дворе большой скандал

Он все делал на скорую руку.

Мишле

Пока в сторону Франции катили восемьдесят три кареты, перевозившие Марию-Луизу и ее свиту, Наполеон сгорал от нетерпения.

Каждый день он вызывал к себе офицеров, прибывавших из Вены, и устраивал им настоящий допрос, сопровождая свои слова выразительными жестами:

– А как у нее здесь?.. А как там?.. Ну, скажите же мне, скажите!¹⁰

И, до крайности смущенные, несчастные адъютанты Бертье были вынуждены докладывать своему императору о том, где и как расположены у новой императрицы выпуклости, очерчивая руками в воздухе такие формы, которые потрясли бы воображение даже тибетского монаха...

Придя в восторг от таких благоприятных перспектив, Наполеон бежал посмотреть на себя в зеркало, задаваясь с тревогой вопросом, сможет ли он понравиться этой «прекрасной телке», которую любезно ему направил австрийский император.

Его так мучил этот вопрос, что он уже несколько недель подряд, стремясь вернуть ушедшую молодость, обливал себя духами, подкрашивался, принаряжался, бросил курить, стал напевать модные мотивчики, заказал себе новый, шитый золотом мундир и даже пытался избавиться от своего брюшка.

Время от времени он запирался в своем кабинете на целых два часа с Дюбуа, строго запретив себя беспокоить. Чем же были заняты столь великие люди? Возможно, они разрабатывали план военного союза? Или готовились к новой войне? Ничего подобного. Просто Дюбуа учил Наполеона вальсировать, чтобы покорить сердце Марии-Луизы.

Все эти странности Наполеона в конце концов стали достоянием гласности. Герцогиня д'Абрантес отметила в своем дневнике: «Наш Соломон в ожидании царицы Савской предался ребяческим забавам...»

Для этой юной женщины, с которой он даже еще не был знаком, но уже полюбил за то, что у нее было достаточно и «там» и «тут», он распорядился, чтобы заново отделали дворец Тюильри. Забросив государственные дела, он сам следил за ходом реставрационных работ и подготовкой апартаментов к приему новой государыни. Беспреданно вмешиваясь во все дела, он бегал, кричал, суеился, указывал, где и как надо расставлять мебель или поменять обивку. Дав волю своему воображению, он задумал устроить необычный будуар, в восточном стиле, где одна только обивка дорогими тканями, привезенными из Индии, стоила более 400 000 франков (120 миллионов старых франков).

Время от времени он вынимал из своего кармана миниатюрный портрет Марии-Луизы. Рассматривая его с поистине детским восторгом, он сравнивал ее изображение с медалью Габсбургов.

– О! Это истинно австрийская губка, – восклицал он, не скрывая восхищения.

И этим, как ему казалось, он еще больше приближался к Людовику XVI, своему новому дядюшке...

Получив шестьдесят пар шитых золотом туфель, которые заказывал для Марии-Луизы, он, выбрав, на свой взгляд, самую красивую пару, принялся подбрасывать их в воз-

дух. Призывая всех присутствующих строителей, маляров, краснодеревщиков и лакеев восхищаться вместе с ним, он приговаривал:

– Посмотрите! Назовите мне хотя бы одну женщину, у которой была бы такая маленькая ножка!

В своей эйфории он был готов пойти на любые самые экстравагантные поступки, лишь бы обеспечить Марии-Луизе необыкновенно пышный прием. И когда ему доложили, что обойщики, которые занимались тем, что отделявали большую гостиную Лувра под церковь для освящения их брака, не знают уже куда вешать прекрасные картины, собранные там в огромном количестве, недолго думая, Наполеон распорядился:

– Пусть их сожгут!

К счастью, нашлись люди не столь скорые на руку, как он на свои решения.

Мария-Луиза даже и не подозревала о том, что ее приезд привел Наполеона в подобное смятение чувств.

Наблюдая, как за окнами кареты мелькают пейзажи Германии, она не могла преодолеть свой страх перед предстоящей встречей с женихом, несмотря на все знаки внимания, которые он ей ежедневно оказывал, посылая письма, подарки и дичь к ее столу.

16 марта под звон колоколов Браунау-на-Ине и грохот артиллерийских залпов ее торжественно «передали» из рук принца Траутмансдорфского в руки полномочному представителю Наполеона, маршалу Бертье. Став официально французской императрицей, Мария-Луиза со слезами рассталась со своими австрийскими фрейлинами, и ей представили ее новую свиту, состоящую из двадцати пяти статс-дам с язвительной и желчной Каролиной Бонапарт во главе.

Затем Марию-Луизу провели под триумфальной аркой, украшенной лентой, на которой правоверные горожане с присущим им простодушием начертали слова, полные неиссякаемого оптимизма:

Все беды любовь отведет и напасти,
Пусть нам она даст огромное счастье.

После чего она выехала в направлении Ульма, Штутгарта и Страсбура, в каждом из которых ее встречали с большими почестями.

Добравшись до Рейна, вдоль которого проходила естественная граница, отделявшая Германию от Франции, Мария-Луиза залилась горячими слезами. Когда ее карета пересекла на палубе корабля Рейн и достигла французского берега, она горестно воскликнула:

– Прощай, Германия!

Своим патетическим восклицанием она больше походила на увозимую в плен невольницу, чем на государыню, направлявшуюся к своему трону...

24 марта Мария-Луиза выехала из Страсбура под проливным дождем. Она проехала со своей новой свитой через множество французских городов: Луневиль, Нанси, Тул, Линьян-Баруа, Бар-ле-Дюк, Шалой, Реймс, Силлери.

27 марта, выехав из Витри-сюр-Марна, она наконец, внимательно рассмотрев миниатюрный портрет Наполеона, впервые улыбнулась:

– А он неплохо смотрится!

Затем добавила:

– Мне так надоело ждать встречи с императором.

Каролина ей стала объяснять:

– Завтра вечером под Суассоном состоится ваша встреча с Его Величеством, там рядом с фермой Понтарше он стоит лагерем.

Мария-Луиза с глубоким вздохом произнесла:

– Неужели опять повторится церемония Броно?

Придя в полное уныние от подобной перспективы, она, откинувшись на подушки, стала с грустью смотреть, как по окнам кареты барабанит нескончаемый дождь...

На окраине крошечной деревушки Курсель, преградив дорогу, карету остановили два человека, неожиданно отделившиеся от церковной ограды, по самые брови закутанные в плащи.

– Стойте!

Кучер натянул вожжи, и карета остановилась.

Один из загадочных странников, более низкорослый, открыл дверцу кареты. С него ручьями стекала вода, а на глаза падала мокрая прядь волос.

Мария-Луиза, решившая, что на них напали разбойники, от страха побледнела как мел.

– Его Величество Император, – произнесла, поклонившись, Каролина.

И в самом деле, перед ними стоял сам Наполеон, который, не в силах больше сдерживать свое нетерпение, в сопровождении Мюрата выехал им навстречу из Компьень.

– Мадам, встреча с вами доставляет мне большую радость, – произнес он.

Затем, решив, что знакомство состоялось, он, забравшись в карету, бросился к своей немного смущенной супруге, осыпав ее поцелуями.

– А теперь гони побыстрее в Компьень! – приказал он кучеру.

Лошади во весь опор поскакали вперед, минуя украшенные транспарантами деревни, где старосты, заготовившие заранее длинные речи, не успевали даже в знак приветствия взмахнуть рукой.

– Слава императору! – с восторгом кричали они, глотая пыль от колес промелькнувшего на полном ходу экипажа...

В Суассоне их ожидало большое застолье. Казалось, что все жители города вышли на улицу. Дети, размахивая флажками, скандировали:

– Слава императору!

Кортеж, с трудом проложив себе в толпе дорогу, скрылся из виду, ни на секунду не замедляя свой ход, оставив позади толпы раздосадованных суассонцев, некоторые из которых посмеивались:

– Первая брачная ночь, черт возьми! Можно понять, почему люди так спешат...

Их замечания стали бы еще язвительнее, если бы они увидели, как Наполеон, спустя несколько минут после того, как выехал за пределы города, остановил карету, велел Каролине пересесть в другой экипаж, а сам продолжил путешествие наедине со своей супругой...

Стояла глубокая ночь, когда экипаж, перевозивший Их Величества, остановился перед парадным входом замка Компьень.

Мария-Луиза, закутанная в длинный бархатный плащ, с шапочкой, украшенной перьями попугая, на голове, маленькими шажками и странно подпрыгивая, чем удивила встречавших, вышла из кареты.

Затем, все так же раскачиваясь на ходу, опираясь на руку Наполеона, она поднялась по лестнице.

Наконец они вошли в гостиную, где две маленькие девочки довольно неуклюже вручили ей цветы со словами приветствия, в то время как императрица не переставала с натянутой улыбкой переступать с одной ноги на другую.

После нескольких слов благодарности за приветствие все присутствующие увидели, как она, склонившись к одной из своих фрейлин, мадам Монтебелло, что-то сказала ей на ухо. Тотчас же фрейлина, сделав ей знак следовать за ней, нисколько не смущаясь ожидав-

шей представления императрице местной знати, быстро скрылась в глубине апартаментов. Увидев, как мимо проходит, прижав локти к бокам, их новая императрица, многие с сожалением вспомнили мягкие манеры и элегантность Жозефины. Привыкшим принимать членов императорской семьи за полубогов, им никак не могло прийти на ум, что Мария-Луиза всегонавсего и совсем банально направлялась в туалет...¹¹

Несколько минут спустя она появилась, улыбаясь и заметно повеселев.

Мадам де Монтебелло, раскрасневшись от волнения, воспользовавшись тем, что началось представление знати, поведала своим подружкам о том, что только что произошло с Марией-Луизой. И дворцовые дамы, гордые тем, что им доверили столь важный секрет, подумали, что новая императрица начинает свое правление довольно забавным эпизодом.

Когда закончилось представление и вся близкая ко двору знать готовилась перейти в столовую, где были накрыты столы, Наполеон, взяв Марию-Луизу за руку, проводил ее в спальню. Там их встретил монсеньор Феш, которого император тут же отвел к дальнему окошку.

– Считает ли церковь законным брак по доверенности?

– Да, государь.

– Значит, мы с императрицей законные супруги?

– Самые что ни на есть законные, государь!

Наполеон вздохнул с облегчением и широко улыбнулся:

– Спасибо!

Выпроводив вон епископа, Каролину, дам-компаньенок, он подошел к Марии-Луизе.

– С каким напутствием вас отпустили из Вены?

Молодая императрица слегка покраснела:

– Принадлежать моему супругу душой и телом и повиноваться ему во всем!

На этот раз Наполеон с удовлетворением потер руки.

– Вот и хорошо! – сказал он. – В таком случае раздевайтесь и ложитесь, я скоро к вам присоединюсь.

И, охваченный любовным трепетом, он отправился в отведенные ему апартаменты, чтобы снять мундир, принять ванну и надушиться. Спустя четверть часа, накинув на голое тело халат, он появился на пороге комнаты Марии-Луизы.

Закутавшись по самый нос в простыни, молодая девушка, которая еще год назад ничего не подозревала о существовании мужского пола, забившись в угол кровати, старалась вспомнить то немногое и неточное, что ей рассказали о первой брачной ночи.

Без лишних слов Наполеон скинул халат и одним прыжком оказался в постели супруги, которая тут же, по словам одного историка, поняла, что связала свою судьбу с человеком действия.

В то время пока Наполеон с присущим ему пылом давал императрице первый урок любви, приглашенные на церемонию гости томились в ожидании того момента, когда они смогут наконец сесть за стол.

Внезапно вошедший камергер объявил:

– Их Величества удалились!

Слова камергера вызвали всеобщее недоумение.

Всем показалось невероятным, что государи решили тайком поужинать в то время, когда их все ждут в гостиной. Кто-то из гостей спросил:

– Но где же они?

В этот момент в гостиную вбежал запыхавшийся генерал Бертран:

– Похоже, что они легли спать!

На этот раз все находившиеся в гостиной герцоги, герцогини, маршалы и бароны посмотрели в полной растерянности друг на друга. На памяти придворных еще не было случая, чтобы первая брачная ночь проходила с таким пренебрежением к этикету.

Поджав губы, все разошлись по отведенным им апартаментам. Но вопреки напускной суровости, которую они старались придать своим лицам, огоньки, загоревшиеся в их глазах, выдавали направленность их тайных мыслей...

«На следующий день, – рассказывает нам Констан, – когда император меня спросил, заметили ли присутствующие в гостиной нарушение программы, то я, с риском прослыть лгуном, ответил, что не заметили. В этот момент к императору вошел один из его приближенных, который до сих пор не был женат. Его Величество, потянув его за ухо, воскликнул:

– Мой друг, женитесь на немке. Это самые лучшие жены в мире: нежные, добрые, наивные и свежие, как розы.

По удовлетворенному выражению лица Его Величества было нетрудно догадаться, что он описывает портрет собственной жены, и было заметно, что художник только что отошел от мольберта.

Закончив свой туалет, император вернулся к императрице. К полудню он распорядился, чтобы фрейлинами Ее Величества им был подан завтрак на двоих рядом с кроватью, и до конца дня шутил и пребывал в отличном настроении...»¹²

Вечером он похвастался своим друзьям:

– Она это делала улыбаясь!..

Император был неистощим в течение всей брачной ночи, которая у него длилась целые сутки. Время от времени он делился впечатлениями о том удовольствии, которое получал, о продолжительности объятий и о девственности Марии-Луизы. Затем ему пришлось подумать и о делах серьезных.

29 марта свадебный кортеж выехал в Сен-Клу, где в присутствии двора прошла церемония гражданского бракосочетания, а 2 апреля под яркими лучами весеннего солнца император и императрица торжественно въехали в столицу.

Под восторженные приветствия трехмиллионной толпы Мария-Луиза вышла из кареты на Елисейских Полях и прошла пешком до площади Согласия. И на том же самом месте, где семнадцать лет назад была обезглавлена Мария-Антуанетта, родная тетка Марии-Луизы, французский народ аплодисментами встречал новую австриячку...

Далее кортеж проехал через парк Тюильри и проследовал в Лувр, где должна была состояться церемония освящения брака церковью.

В самом начале церемония была нарушена инцидентом: сестры Наполеона отказывались наотрез нести шлейф императрицы. Однако император быстро призвал их к порядку:

– Королева Неаполитанская! Великая герцогиня Тосканская! Княгиня де Боргезе, – воскликнул он, – после того, как всю жизнь таскали тяжелые корзины на рынок, можно, не уронив своего достоинства, понести императорский шлейф.

И церемония пошла своим чередом.

В течение трех недель Наполеон и Мария-Луиза проводили все свое время в постели, на диванах и канапе. Когда им показалось, что они уже немного познакомились, то наконец с улыбкой посмотрели в лицо друг другу. И тогда император решил отправиться с молодой женой в свадебное путешествие. 27 апреля они выехали из Сен-Клу и направились посмотреть на своих северных подданных: фламандцев, бельгийцев, голландцев. И, нежно прижавшись друг к другу, они посетили Сен-Кантен, Камбре, Валансьен, Брюссель, Антверпен, Брюгге, Остенде и другие города.

В одном крупном населенном пункте Голландии произошел довольно забавный эпизод. Местные муниципальные власти распорядились соорудить триумфальную арку, которую украшал транспарант с необычным приветствием:

Был прав наш шустрый молодец,
Ведя Мари-Луизу под венец.

Увидев эту надпись, Наполеон велел позвать бургомистра.

– Господин мэр, – обратился он к нему, – у вас в ходу французский язык?

Бургомистр покраснел:

– Государь, я немного пишу...

– А! Значит, это вы придумали... Вы нюхаете табак?

И император протянул ему табакерку, украшенную бриллиантами.

Бургомистр стал пунцовым.

– Да, государь, но мне так неудобно...

– Берите, берите, – сказал с улыбкой Наполеон. – Сохраните и табак, и табакерку на память. – Затем театрально произнес:

Когда отсюда вы табак возьмете,
Мари-Луизу, я надеюсь, помянете...

Вот уже несколько дней, как Наполеон был исключительно весел.

Императрица приписывала его хорошее настроение исключительно на свой счет, не подозревая о том, что ее муж радуется полученному известию о рождении Белевича Валевского, пухленького побочного сына, подаренного Наполеону Марией Валевской...

Глава 3

Мария-Луиза мешает Наполеону заниматься государственными делами

Она высасывала из него все соки.
Жан-Рене Мартино

Как известно, Наполеон отличался выдающимися организаторскими способностями. Во время своего путешествия по Голландии немало времени он уделил «подготовке будущего короля Рима». В определенные часы приглашая императрицу разделить с ним широкое ложе, он, как добросовестный пахарь, в поте лица своего всеми известными ему способами стремился засеять свое поле.

Такое усердие как нельзя пришлось по вкусу Марии-Луизе, которая в любви оказалась способной ученицей. Истинная дочь своего папаша, она за считанные недели превратилась в достойную партнершу, у которой всегда наготове находился неиссякаемый запас новых идей и утонченных приемов, что вызывало восхищение и безграничную признательность Наполеона...

В свою очередь, молодая женщина была благодарна императору за то, что он научил ее любовным играм, дающим высшее наслаждение, и, если ее давняя ненависть еще и не превратилась в любовь, то, по крайней мере, уступила место нежному соучастию, которое создает иллюзию любви. Она стала наделять его нежными прозвищами: Нана, Попо – или же называть его «Мой сердитый ухажер» и говорила дамам из своей свиты:

– Император слишком обаятельный и мягкий человек для такого закаленного в боях и опасного для врагов воина, каковым он является.

Такая же лакомка в постели, как за столом, Мария-Луиза заставляла Наполеона проводить бессонные ночи, что для главы государства оказалось слегка утомительным.

Следовала ли она, как утверждают некоторые историки, указаниям своего отца или же всего-навсего подчинялась зову своей страстной восемнадцатилетней натуры? Об этом можно только строить предположения.

Однако совершенно достоверным является то, что на следующее утро великий император появлялся на людях еле-еле волоча ноги, с потускневшим взором и головой, не способной мыслить. Естественно, что в таком состоянии ему было трудно сосредоточиться на делах государственных.

Несмотря на явное снижение умственных способностей, Наполеон не стремился обуздать свой любовный пыл, ибо его главной заботой в то время оставалось зачатие наследника. Считая, что основать императорскую династию для него гораздо важнее, чем нужды отечества, он произносил бездарные речи и диктовал бессмысленные письма, забегая семь раз на день в спальню императрицы.

Познав эту прелестную нимфоманку, император, давно проявлявший неумную склонность к любовным утехам, превратился в истинного сексуального маньяка.

«Сексуальные излишества, которым он предавался с Марией-Луизой, – писал доктор Пассар, – скоро привели этого мужчину сорока с лишним лет, до сей поры отличавшегося довольно умеренным темпераментом, в состояние почти непрерывного полового возбуждения. Такое болезненное явление поразило Наполеона как раз в тот момент, когда ему особенно был необходим покой и душевное равновесие для победоносного завершения своей

императорской миссии, он же стал рабом своих желаний, готовым бежать вслед за первой попавшейся юбкой, теряя голову от возжеления...»¹³

Его болезнь проявилась особенно явно в Голландии. В то самое время, когда Мария-Луиза побуждала его совершать подвиги, которые могли бы оставить без сил целый артиллерийский полк, он стал одновременно любовником прекрасной принцессы Альдобрандини и герцогини де Монтебелло...

Александр Махан сурово осудил поведение молодой императрицы:

«Даже в том случае, если она являла собой Цирцею или какую-либо другую злую фею, ниспосланную для того, чтобы освободить Европу от завоевателя и отомстить за смерть Марии-Антуанетты, – писал он, – то она не смогла бы действовать лучше.

Каким самым эффективным способом можно было привести Наполеона к краху? Изучив его характеристику, мы узнали за ним одну слабость: страсть к женщинам и недооценивание того пагубного влияния, которое они на него оказывали. В этом вопросе он слишком полагался на себя, вследствие чего претерпел много невзгод. Он не сумел остеречься женщины, ослепленный нимбом ее королевского происхождения. Эта женщина, опасность которой была видна даже невооруженным глазом, быстро нашла путь к его сердцу и, поселившись там раз и навсегда, использовала все свои женские уловки и аристократическое происхождение, чтобы полностью прибрать его к рукам, навлекая на него многочисленные неприятности. Ей оказалось совсем нетрудно подчинить его своей воле и окружить со всех сторон врагами, вынуждая его ссориться с самыми лучшими друзьями и совершать необдуманные поступки, которые еще больше разжигали гнев его недругов.

Засыпая и просыпаясь в его объятиях, она постоянно повторяла одни и те же слова: “Весь мир против меня”»¹⁴.

Сознательно или нет, но Мария-Луиза делала все возможное, чтобы навредить императору...

Вернувшись из Голландии, государи, поселившись во дворце Тюильри, продолжали с прежним рвением готовить в постели будущего короля Римского. Подобные усилия были обречены на успех. В августе молодая императрица, покраснев, застенчиво объявила Наполеону о том, что она лелеет «прекрасную надежду»...

Император вскрикнул от радости и, не откладывая в долгий ящик, тут же назначил знатных особ, которые должны были войти в свиту маленького принца. Придворная жизнь на протяжении целых семи месяцев была полностью нарушена. Во дворце все сбилось с ног, заготавливая колыбельки, пеленки, рубашки и чепчики, носочки и пустышки, игрушки и погремушки в количествах, которых хватило бы на родильные дома всех пяти частей света.

Наконец, 19 марта, после обеда, Мария-Луиза почувствовала первые схватки. С этого момента и до самых родов во дворце происходили самые нелепые и смешные сцены. Статс-дамы падали в обморок, врач дрожал от страха, лакей задел столик, где была расставлена стеклянная утварь, гвардеец из охраны был послан с приказом звонить в колокол собора Парижской Богоматери, а Наполеон решил принять ванну...

Всю ночь во дворце не спали. На рассвете к императору, который так и не покинул своей ванны, явился доктор Дюбуа, бледный и растрепанный.

– Ну?

В ответ доктор пробормотал что-то невразумительное.

Сбитый с толку Наполеон решил, что Мария-Луиза скончалась. Поднявшись во весь рост, совершенно голый, Наполеон произнес странную фразу:

– Ну и ладно! Умерла, так похороним!

Дюбуа удалось, наконец, сказать, что еще ничего не произошло, но если и дальше так пойдет, то придется применить щипцы.

Наполеон, сожалея о нечаянно вырвавшихся словах, произнес твердым голосом:

– Спасите мать! Если она останется жива, у нас еще будут другие дети!

Затем он отправился в апартаменты императрицы. Бедняжка, однако, так сильно кричала, что он закрылся в туалете, чтобы дожидаться, чем дело закончится.

В восемь часов двадцать минут криком еще более истощенным, чем все предыдущие, Мария-Луиза оповестила всех, что наконец разрешилась. Наполеон устремился в комнату жены и замер на пороге, пораженный представившейся его взору картиной. Среди всеобщей суматохи король Рима, предмет стольких забот, вывалился на ковер...

Увидев императора, мадам де Монтескью быстро подхватила младенца с пола.

Спустя два часа во дворце еще не закончилась нервная суматоха, и мадам Бланшар вылетела на шаре из Военного училища, чтобы оповестить города и веси о великой новости...

Рождение короля Рима, естественно, вдохновило сочинителей песенок. Некоторые из них в порыве радости не смогли удержаться в рамках хорошего тона. Например, повсюду распевали:

Новой розой увлечен
Был Наполеон.
Так о розе пекся он,
Что она дала бутон.

Один из сочинителей, поддерживая в народе легенду о сверхчеловеческих способностях Наполеона, написал:

В любви, как в бою, все ему по плечу,
Успехов он всюду добился.
Однажды сказал: «Сына сделать хочу!»
И вскоре сынок у него появился.

В этих хвалебных песнях была известная доля распутства, что доказывает вот такой куплет:

Все говорят, прекрасный сей ребенок,
Родившись, хохотал из всех силенок,
Что в мать в свою он выдался лицом,
А прочим всем был награжден отцом.

Что очень повеселило добрый народ Франции.

Жозефина узнала о рождении короля Рима в Наваррском замке под Эвре, где она поселилась по приказу Наполеона с того дня, когда Мария-Луиза объявила о своей беременности.

В тот вечер местный градоначальник давал ужин по случаю праздника святого Иосифа, неожиданно гости услышали пушечные залпы.

Когда прогремел двадцать второй выстрел, императрица, не скрывая своих слез, повернувшись в сторону своей первой статс-дамы, мадам д'Арбер, произнесла:

– Сын! Представляю, как счастлив император!

Затем, пока представители ее маленького двора, обгоняя друг друга, отправились в раболопном порыве поздравить Наполеона, Жозефина, поднявшись в свою комнату, написала самое прекрасное по стилю письмо, которое она после себя оставила:

Сир, среди многочисленных поздравлений, которые спешат к Вам со всех уголков Европы, со всех городов Франции и из каждого армейского полка, пробьется ли к Вам мой слабый женский голос? И соблаговолите ли Вы выслушать женщину, которая столько раз утешала Вас в трудные минуты, снимала печали с Вашей души, когда она желает лишь поговорить с Вами о том счастливом событии, которое является исполнением Ваших самых заветных желаний? Не являясь более Вашей супругой, могу ли я поздравить Вас со счастливым отцовством?

Мне бы хотелось получить известие о рождении короля Римского от Вас лично, а не от пушек Эвре, однако я знаю о том, что прежде всего Вы принадлежите государству и счастливой принцессе, которая оправдала Ваши самые сокровенные надежды. Она не может быть более преданной Вам, чем я, но ей удалось сделать Вас счастливым, обеспечив также и благополучие Франции. И, таким образом, она имеет все права на Ваши лучшие чувства и на Вашу заботу. Ну а я, которая была Вашей спутницей лишь в трудные времена, могу только надеяться на самый дальний уголок в Вашем сердце, полностью занятом императрицей Марией-Луизой. Только после того, как Вы поцелуете своего сына, Вы возьмете в руки перо, чтобы поговорить со мной, Вашей самой лучшей подругой...

Мне бы хотелось узнать, крепкое ли здоровье у Вашего ребенка, похож ли он на Вас и разрешите ли Вы мне когда-нибудь его увидеть. Наконец, мне бы хотелось, чтобы Вы отнесли ко мне с полным доверием, которое, как мне кажется, я заслужила своей безграничной привязанностью, которую я к Вам сохраню до конца моих дней...»

В полночь в Париж отправился гонец с письмом Жозефины, а на следующий день она получила ответ императора:

«Друг мой, я получил твое письмо и благодарю тебя.

Мой сын крупный ребенок и весьма крепкого здоровья. Надеюсь, что он далеко пойдет.

У него мое телосложение, мой рот и мои глаза, надеюсь, что он оправдает возлагаемые на него надежды».

И, чтобы немного утешить свою бывшую подругу жизни, он добавил:

«Я, как всегда, очень доволен Эженом. Он никогда не доставляет мне хлопот...»

Последняя строка особенно тронула Жозефину. Она прочитала ее своей первой статс-даме, госпоже д'Арбер.

– Император еще меня любит! – воскликнула Жозефина. – Видите, как он добр ко мне, что упоминает об Эжене в письме о своем сыне, и отзывается о нем так, словно Эжен является нашим общим ребенком...

Разволновавшись от внимания, проявленного Наполеоном, она поспешила поделиться своей радостью и поплакать от счастья в комнату мадам Газани, бывшей одно время любовницей императора, которую она взяла к себе в камеристки, чтобы иметь возможность без всяких помех обсуждать с ней различные достоинства и таланты своего экс-супруга. И обе женщины еще долго с восторгом вспоминали волнующие моменты, когда Наполеон, изменяя то одной, то другой, приглашал их поочередно разделить его ложе...

После чего Жозефина отправилась к своему любовнику, молодому Теодору де Турпен-Криссе, звание камергера которого включало весьма обширный круг обязанностей...

Этот двадцативосьмилетний молодой мужчина был довольно талантливым художником, которого императрица взяла к себе на службу для оказания интимных услуг уже года два назад. Он косвенным образом оказался причастным к разводу венценосных супругов.

Графиня Кайльмансеге – очаровательный секретный агент императора – в самом деле написала в своих «Мемуарах» следующее: «Развод Наполеона с Жозефиной не перестает причинять мне довольно глубокое огорчение, хотя я знаю, что никакие политические соображения не смогли бы заставить императора пойти на такой тяжелый для него самого и для Жозефины шаг, если бы она вела себя по отношению к своему супругу в соответствии со своим возрастом и занимаемым положением.

Всего несколько человек были в курсе того, что в отсутствие императора и несмотря на искреннюю привязанность, которую она к нему питала, у Жозефины была тайная связь, что, впрочем, соответствовало ее привычкам, с одним из самых молодых камергеров ее двора, господином Турпен-Криссе.

Враги императрицы не упустили случая, чтобы довести до сведения Наполеона доказательства ее измены. Вполне вероятно, что это обстоятельство придало императору мужества заглушить угрызения своей совести»¹⁵.

С той поры юный аристократ повсюду сопровождал Жозефину, всегда готовый на любом диване или коврике предоставить ей то успокоительное для ее нервной системы средство, в котором она постоянно нуждалась. Она была столь пылкого темперамента, что мадам де Буйе в своих дневниках писала о том, что «порой ее заставляли с любовником в прихожей, гостиной или же прижатой к стене для равновесия»...

В начале 1810 года герцог Мекленбург-Шверинский попросил руки Жозефины, и господин Турпен-Криссе испугался, что потеряет свое теплое место. Однако императрице не хотелось терять средства, которые ей выплачивал на содержание Наполеон, и она выпроводила герцога с пустыми руками...

И тогда красавец Теодор последовал за дамой своего сердца в Мальмезон, Елисейский дворец, Наваррский замок, Женеvu, Шамоникс, Экс. И везде он с большим усердием выполнял три или четыре раза на день сладостную работу, ради которой его и держали...

Такие усилия заслуживали поощрения. И в 1811 году Наполеон, знавший не понаслышке о темпераменте Жозефины, назначил сделать господина Турпен-Криссе имперским бароном...

Появившийся в 1816 году памфлет под названием «Тайный инструктор, или Картинки двора Наполеона» внес смуту в некоторые доверчивые сердца. Автор – анонимный – с поразительным знанием интимных подробностей описывал встречу Наполеона с Жозефиной в 1811 году.

Предоставим ему слово:

«В тот день, – писал он, – император прибыл без свиты в Мальмезон. Завидев его, Жозефина бросилась было ему навстречу, затем остановилась в глубоком волнении.

– Мне захотелось снова увидеться с вами, – произнес Наполеон, – чтобы сказать, что политика не заставила меня забыть о моей привязанности. Интересы моей династии обеспечены: теперь я могу отказаться от таких предосторожностей, которые оскорбляют мое достоинство, таким же образом как нарушают мой душевный покой.

Бывшие супруги присели затем на софу и предались общим воспоминаниям.

Не прошло и нескольких минут, как Наполеон, взглянув на Жозефину влюбленными глазами, произнес:

– Известно ли вам, что вы отлично выглядите?

Императрица грустно улыбнулась.

– О, я прекрасно знаю, что печаль и одиночество нанесли непоправимый урон моей внешности.

– Жозефина, вы ошибаетесь! Вы мне нравитесь еще больше, чем прежде. О! Если бы вы не были для меня запретным плодом!

– И что же?

– Но могу ли я по-прежнему пользоваться моими правами?

– От которых вы отказались!

– В которых я хочу снова восстановиться.

– Но я не могу этого допустить. Боже сохрани! А ваша вера? Ваши клятвы верности?

– Вера? Клятвы? Неужто вы верите этому вздору? Впрочем, не я ли был вашим супругом? Неужели я перестал таковым для вас оставаться?

– Но наш развод?

– Чистая формальность. Подождите минутку. Сейчас мы узнаем мнение богословов. Эй, Рустан! Нет ли там в прихожей кардинала и архиепископа? Как только вы их отыщете, немедленно приведите ко мне.

Не прошло и нескольких минут, как императору доложили об архиепископе де Малине и кардинале Мори. Жозефина прикрыла обеими руками покрасневшие вольно или невольно щеки.

– Проходите, господа, – обратился к ним император. – Прошу вас развеять сомнения Мадам. Считая, что развод лишил меня всех прав, она говорит о супружеской неверности, о блуде и прочей чепухе, которой раньше никогда меня не утомляла, лишь бы уклониться от выполнения своих обязанностей.

Кардинал Мори, опустив глаза, хранил молчание. Господин де Малине украдкой взглянул на зардевшуюся от избытка скромности Жозефину и тоже не произнес ни слова. Тогда потерявший терпение Наполеон воскликнул:

– Ну что же, господа ученые, мой вопрос оказался слишком деликатным для ваших целомудренных ушей?

– Сир, – произнес наконец монсеньор де Малине, – церковь!

– Здесь нет церкви! Церковь – это я!

Кардинал Мори с поклоном произнес:

– В таком случае, Сир, не будем обсуждать этот вопрос, раз ваша воля нам известна.

Наполеон в сердцах топнул ногой.

– Делайте, что я вам сказал, но не для меня, ибо я знаю, как мне следует поступить, а для Мадам, чтобы ее не мучила совесть.

Священнослужители вышли посоветоваться, но решить столь щекотливый вопрос они не успели, ибо спустя десять минут император неожиданно вышел из гостиной в одежде, застегнутой как попало, и, прерывисто дыша, объявил, что больше не нуждается в их решении...»

Нужно ли говорить, что подобный рассказ был чистой выдумкой. И в самом деле, разве можно представить, чтобы такая пылкая особа, как Жозефина, отказывала бы Наполеону из моральных принципов и чтобы он обратился к священникам, чтобы обсудить с ними свои сексуальные намерения?

Действительно, в такое трудно поверить.

Между тем нашлись историки, которые считают, что автор памфлета не погрешил против истины, и вполне серьезно утверждают, что Наполеон после женитьбы на Марии-Луизе продолжал интимные отношения с Жозефиной.

В наши дни такие обвинения поддерживать могут лишь легковверные ученые. Однако, в то время как «мемуары», основанные на неопровержимых доказательствах, категорически утверждают, что император не вступал ни в какие любовные отношения со своей бывшей супругой, известно, что иногда он заезжал к ней тайком от Марии-Луизы...

Во время этих коротких встреч Наполеон и Жозефина прогуливались по парку и вели душевные разговоры. В их поведении «не было ничего, что могло бы оскорбить поборников нравственности». Они вспоминали о прошедших днях и делились друг с другом текущими заботами. Именно этими прогулками пользовалась неисправимая креолка, чтобы поговорить с императором о своих долгах, сделанных за последнее время.

Наполеон, поворачивая для порядка, под конец всегда говорил одно и то же:

– Пришли мне все свои счета, я распоряжусь их оплатить за счет государственной казны...¹⁶

Естественно, что в конце концов Марии-Луизе стало известно о тайных поездках Наполеона в Мальмезон. И ее стала мучить ревность.

Неужели маленькая эрцгерцогиня влюбилась в «корсиканца»?

Во всяком случае, она так считала. После рождения короля Римского она написала своему отцу следующие строки:

«Я никогда не ожидала, что буду так счастлива. Со дня рождения моего сына моя любовь к мужу растет день ото дня, и я уже не могу без слез думать о его нежности ко мне. Если я в свое время его и не любила, то теперь я не смогу этого сказать.

Посылаю Вам портрет моего мальчика. Посмотрите, как он похож на своего отца. У него прекрасное здоровье, и он целыми днями играет в саду. Император только им и занимается, носит его на руках, развлекает и уже однажды так его перекормил, что ребенок заболел...»

Да, действительно Мария-Луиза думала, что любит Наполеона. Ей нравилось его общество, она восхищалась его авторитетом, любила его ласки и, на всякий случай, ненавидела всех женщин из его окружения. Особенно ее беспокоила близость Жозефины, проживавшей в четырех верстах от Парижа. И несмотря ни на что, ненависть к нему, пропитавшая все ее существо с самых ранних лет, жила по-прежнему в ее душе и часто руководила ее поступками, о чем она и сама не догадывалась. Итак, по словам Александра Махана, который прекрасно изучил характер Марии-Луизы, «она руководствовалась двумя стремлениями»:

«Первое заставляло ее играть роль нежной супруги и любящей матери, а второе – быть злой феей Наполеона. Руководствуясь первым, она делала все для того, чтобы он чувствовал себя счастливым, а согласно второму – все, чтобы привести его к гибели. С одной стороны, он был для нее преданным мужем и любящим отцом ее ребенка, а с другой – она видела в нем воплощение разрушительного революционного духа, убившего ее двоюродную тетку Марию-Антуанетту и замучившего до смерти дофина, демона, жестоко унизившего ее “дорогого папочку”, завоевателя, взявшего в плен самого папу римского, разрушившего великую Римскую империю своими опустошительными набегами, из-за которого вся земля Австрии покрыта могильными холмами, оставившего тысячи вдов и сирот».

Первым, что ей подсказал злой гений, стало отлучение Наполеона от его работы. Нежная, чувственная, ласлившаяся к нему как кошка, она удерживала императора в своих объятиях, изнуряя его ласками, сломив его волю. Всего за несколько месяцев наводивший на всех ужас властитель мира изменился до неузнаваемости, превратившись в мелкого обывателя, который предпочитал мягкие домашние туфли и тепло домашнего очага превратностям походной жизни, тихие семейные радости яростным атакам военных сражений.

Послушаем еще раз Александра Махана:

«Летописцы тех времен нам повествуют, что на протяжении нескольких месяцев после своей женитьбы Наполеон не притрагивался к государственным делам. До той поры он был одержим работой, проводил долгие часы в своем кабинете, ложась в десять вечера и вставая в два часа ночи, чтобы снова засесть за документы и карты. После женитьбы он изменил своим привычкам, по утрам долго валялся в постели и почти полностью потерял свою былую жажду деятельности.

На острове Св. Елены Наполеон однажды разговаривал об этой перемене в своем образе жизни, о том, как после своей свадьбы он запустил дела, пренебрегая своим долгом. В свое оправдание он сказал, что, женившись на юной аристократке, имел право немного разогреть с ее помощью свою старую кровь, но забыл упомянуть о том, что ему не полагалось того, что себе мог позволить простой смертный. Ему было необходимо не спускать глаз с Европы, которая только и ждала подходящего момента, чтобы разорвать цепи и выскользнуть из-под влияния Франции. Малейшая оплошность могла стать для него роковой»¹⁷.

И в самом деле, пока он уделял столько внимания молодой супруге, от него полностью отошла Испания, Пруссия и Австрия заключили тайный союз с Россией, а Швеция, с Бернадоттом во главе, бросилась в объятия царя...

Благодаря женщине, не в меру нежной и ласковой, Наполеон терял свою империю...

Глава 4

Была ли Эмилия Пеллапра дочерью Наполеона?

Сомненье, всегда одно сомненье!
Раймон Дево

Семейная жизнь, которую Наполеон вел с Марией-Луизой, отнимала у него лишь часть времени. Хотя он и запустил дела государства, но зато продолжал, как и в былые времена, волочиться за каждой юбкой, встретившейся на его пути...

Наполеон, по образному выражению Констан, «не более чем во времена Жозефины переживал от преувеличенных понятий о супружеской верности». Боссе, являвшийся сюринтендантом императорских увеселений, в апреле 1811 года сообщил Наполеону, что один из его постоянных помощников в делах, касающихся организации императорского досуга, генерал Луазон, отыскал в местечке Бур-ла-Рен прелестную семнадцатилетнюю девушку с весьма аппетитными формами...

Прельщенный такой информацией император потребовал немедленно рассказать ему о девушке со всеми подробностями. Боссе не пожалел красок, описывая портрет девушки:

– Ее зовут Лиза Лебель. Стройная брюнетка, она, если верить уверениям ее мамы, носит под лифом платья пару прелестных упругих грудок...

Картина, описываемая Боссе, показалась Наполеону достаточно соблазнительной, и он, вызвав Констан, распорядился тут же отправляться в Бур-ла-Рен за столь привлекательной особой.

Позднее Констан скажет: «Мой приезд не вызвал у этих дам ни малейшего удивления, похоже, что они уже были предупреждены, и по всей видимости их благодетелем и покровителем генералом Луазоном. Ибо надо было видеть, с каким нетерпением, которое они даже не пытались от меня скрыть, они ожидали моего визита.

Молодая девица ослепила меня красотой лица и наряда, а мать светилась от счастья от одной лишь мысли о той чести, которую оказывают ее дочери. Я понял, что обе дамы вообразили, что император не устоит перед ее юной красотой и тут же по уши влюбится.

– Боже мой! Боже мой! – повторяла мадам Лебель, – какое счастье нам привалило!»

Поцеловав на прощание дочь и посоветовав в качестве напутствия вести себя поласковее с императором, славная женщина, не теряя времени, преклонила колени и приступила к молитве, прочитав дюжину псалмов о благодарении Господу...

Тем временем Констан, посадив Лизу в карету, привез ее в замок Сен-Клу, где горевший нетерпением Наполеон принимал горячую ванну, чтобы немного охладить свой пыл на время ожидания.

К одиннадцати часам вечера под проливным дождем карета Констан прибыла в Сен-Клу.

«Мы прошли через оранжерею, чтобы избежать посторонних глаз. У меня были ключи от всех дверей замка, и, никем не замеченные, мы проследовали до комнаты императора»¹⁸.

Увидев девушку, Наполеон не смог скрыть своего восхищения.

– Да здравствует Бур-ла-Рен! – воскликнул он.

Констан скромно удалился, а Наполеон, усадив поспешно Лизу на канапе, со всей любезностью, на которую только был способен, поинтересовался, сохранила ли она свою невинность.

Стыдливо опустив головку, молодая девушка призналась, что до сего времени оставалась девственницей. Лицо Наполеона неожиданно помрачнело. Он терпеть не мог трудностей, полагая, что удовольствие не должно сопровождаться никакими усилиями. Только подумав о том, что ему придется изрядно потрудиться, прежде чем познать сладострастие, «он утрачивал всякое желание».

С натянутой улыбкой он произнес:

– Мне не очень нравятся девственницы.

Испугавшись, что рушатся ее радужные надежды, Лиза разрыдалась. Сквозь слезы, она поведала Наполеону, что один из ее двоюродных братьев освободил ее от такого «груза» и сорвал первый цветок.

Признание девушки Наполеону пришлось по душе.

– Вот так-то лучше, – сказал он.

Быстро раздев девушку, он положил ее на постель и обошелся с ней так, что она решила, что снова вернулось время сбора цветов...

Не прошло и трех часов, как Наполеону внезапно захотелось остаться одному. Вызвав Констан, он приказал:

– Отвезите мадемуазель домой!

Лиза совсем не ожидала такого потребительского отношения со стороны Наполеона.

– Но уже два часа ночи! – воскликнула она.

– В столь поздний час приличная девушка должна вернуться к маме, – назидательным тоном произнес император и вышел из комнаты.

Несмотря на проливной дождь, который все еще не кончался, Констан повез девушку в Бур-ла-Рен. Часы уже пробили пять утра, когда они постучали в дверь мадам Лебель. Увидев на пороге свою дочь, бедная женщина от горя едва не лишилась чувств.

– Мама, не плачь, – бросившись на шею матери, утешила ее Лиза, – император со мной был целых три раза...

Мадам Лебель, воздев руки к небу, воскликнула:

– Благодарю тебя, Боже все милостивый!

На следующей неделе Наполеон несколько раз кряду посылал за девушкой и осыпал ее дорогими подарками, но надежды набожной мадам Лебель на большую страсть императора не оправдались.

22 мая 1811 года государи отправились из замка Рамбуйе, где они проживали, в путешествие по Нормандии.

В Кане в честь императрицы был устроен сельский праздник. Девятнадцать самых красивых местных девушек преподнесли ей корзины цветов, распевая хвалебную кантату с незатейливыми словами:

Сердца дополняют цветы, словами говоря оратора.

Они – для Вашего Величества, вашего императора.

Мы к яблокам души приложим, моля,

За Ваше Величества и Римского короля...

Затем на богато украшенных носилках появился маленький ребенок с двумя золочеными бочонками, один из них был наполнен сидром, а другой молоком. Спустившись к ногам государей, девочка протянула им два хрустальных бокала, чтобы угостить коронованных особ продуктами местного производства, а затем рассказала стихотворение.

Ребенком, приветствующим государей, была четырехлетняя девочка по имени Эмилия Пеллапра. Растаяв от умиления, Мария-Луиза поцеловала прелестную крошку и подарила ей часы.

После церемонии встречи, когда императрица направлялась в особняк Отфей на улице Гибер, где она остановилась, мать маленькой Эмилии поручила няне присматривать за ребенком, так как сама не имела никакой возможности заниматься девочкой. Франсуаза Пеллапра, стройная супруга сборщика налогов из Кальвадоса, и в самом деле очень торопилась на свидание чрезвычайной важности. Смешавшись с толпой, она прошла узкими улочками до скромного на вид дома, окруженного незаметной для неопытного глаза охраной. Женщина легко преодолела три ступеньки крыльца и оказалась перед дверью, которую тот час же перед ней отворил важный камергер. Почтительно склонившись, он проводил ее до гостиной, где ее ожидал Наполеон...

Как только они остались наедине, император заключил Франсуазу в объятия.

— У нас в распоряжении всего четверть часа, — сказал он.

Молодая женщина не заставила себя долго упрашивать... Сняв туфли, она улеглась на канapé, быстрым движением приподняла подол платья, без лишних слов предоставив Наполеону полную свободу действий, что было по достоинству оценено императором¹⁹, а господин сборщик налогов из Кальвадоса стал еще большим рогоносцем, чем был...

Поскольку император уже несколько месяцев был любовником госпожи Пеллапра.

Таким образом он дал возможность дочери своей любовницы прочесть поэму Марии-Луизе...

Согласитесь, любопытная была идея...

Наполеон впервые повстречался с госпожой Пеллапра 25 февраля 1810 года на балу, устроенном итальянским министром иностранных дел Марескльди, и почувствовал глубокое волнение при виде груди, о которой нам говорят, что «она вызывала почесывание ладоней у самых добропорядочных мужчин».

Сразу же по возвращении в Тюильри он вызвал к себе Боссе:

— Немедленно наведите справки. Вы должны доставить сюда эту женщину!

«Сюринтендант императорских увеселений», произведя быстрое расследование, узнал, что госпожа Пеллапра, в девичестве Франсуаза Леруа, была двадцатилетней уроженкой Лиона, вышедшей в 1805 году замуж за господина Ле-Анри-Алена Пеллапра, тридцатитрехлетнего банкира, от которого она родила 11 ноября 1806 года дочь.

Столь прекрасная история привела в восхищение всю семью, члены которой рассказывали об этом друг другу с трогательной гордостью. А в 1921 году принцесса Бибеско, чьей мачехой была принцесса Валантин, урожденная Караман-Шимей, дочка Эмилии — опубликовала в «Журнале двух миров» статью для того, чтобы сообщить пораженным историкам о существовании этой дочери Наполеона.

Спустя два месяца после этого принцесса Бибеско опубликовала «Мемуары» Франсуазы Пеллапра с предисловием Фредерика Массона. Большой специалист в наполеоновской истории, подписавшись под утверждениями семейства Караман-Шимей, сообщил, что в 1890 году принцесса Матильда нашла, что Эмилия очень похожа на императора...

Он добавил к этому, что у его шурина, господина Лефевра де Безна, известного дипломата, происхождение Эмилии не вызывало никаких сомнений, а также подтвердил, что девочка родилась именно 11 ноября 1808 года.

Такая уверенность историка, чье слово было очень весомым, позволило считать родство Эмилии и Наполеона доказанным фактом. Эмилия, как говорит Андре Гавоти, «должна была бы в порядке рождения располагаться между графом Леоном, родившимся в 1806 году,

и графом Валевским, появившимся на свет в 1810 году, и считаться незаконнорожденным, но действительным потомком Наполеона I²⁰.

Однако несколько лет тому назад два лионских эрудита, господи Оден-отец и Оден-сын, сделали большое открытие, которое до основания разрушило легенду, сочиненную Франсуазой Пеллапра. Речь идет об акте о рождении Эмилии. Вот он: «12 ноября одна тысяча восемьсот шестого года... явился Ле-Анри-Ален Пеллапра, банкир, проживающий по адресу: набережная Сен-Клер, 25. Онный банкир представил ребенка женского пола, родившегося вчера в шесть часов утра, родителями которого являются он сам, заявитель, и Фрасуаза-Мария Леруа, его супруга; указанному ребенку было дано имя Эмилия-Луиза-Мария-Жозефина...»

Таким образом, Эмилия родилась в 1806 году. А в тот самый год Наполеона в Лионе не было.

Еще одна ошибка: принцесса Бибеско пишет: «Ясно одно: мсье Пеллапра отказывается признать девочку, которая по закону является его дочерью»²¹.

Запись в книге регистрации актов гражданского состояния полностью опровергает это утверждение.

Было бы утомительно приводить здесь все те неточности, которыми изобилует рассказ принцессы Бибеско. Их там бесчисленное множество.

Знайте просто, что после сделанного отцом и сыном Оденами открытия и проведенных известным историком Андре Гавоти тщательных исследований просто невозможно далее считать Эмилию Пеллапра дочерью императора.

Кстати говоря, до 1860 года никто не сделал и малейшего намека на существование этой внебрачной дочери императора. А когда кто-либо из писателей того времени касался жизни семейства Пеллапра, то он ограничивался только тем, что писал:

«У этого Пеллапра помимо его двенадцати миллионов была очень красивая жена, известная кокотка времен Империи и Реставрации. В 1815 году она была любовницей герцога Беррийского... Мадам Пеллапра была до этого любовницей Увара, потом Фуше, затем Мюрата и, наконец, Наполеона. В любовниках она словно бы поднималась по лестнице. Император пробыл с ней всего лишь шесть недель»²².

«Однако, – говорит нам господин Андре Гавоти, – эти нескромные строки вовсе не являются вымыслами какого-то мрачного памфлетиста, они подписаны Виктором Гюго и включены в его произведение “Былое”. Кроме того, это не является простыми сплетнями, поскольку Виктору Гюго, как пэру Франции, было поручено палатой пэров судить в составе Верховного суда мсье Пеллапра, обвиненного в том, что тот получил от мсье Теста, в бытность того министром, за девяносто пять тысяч франков некую концессию на горную разработку. Таким образом, в распоряжении Виктора Гюго были все необходимые документы следствия по делу мсье Пеллапра, который в то время находился в бегах и которого его супруге пришлось так успешно защищать».

Если бы Эмилия была дочерью Наполеона, Виктор Гюго это непременно узнал бы и с наслаждением поделился бы этими сведениями с нами...

Однако же он ничего такого не сделал...

Глава 5

Герцогиня де Бассано повинна в том, что Талейран впал в немилость

*На каждом повороте судьбы господина Талейрана стоит женщина.
Господин де Буйе*

В конце 1811 года по всей Европе народы стали подниматься против господства Наполеона. Здание империи, построенное им, начало трещать по всем швам, и некоторые люди, обладавшие даром предвидения, начали уже предсказывать окончательную катастрофу.

В это время император, продолжая подчиняться капризам супруги, каждый вечер играл в жмурки или же в «колечко»...

2 декабря он получил пространный рапорт от Даву относительно угрожающего брожения умов в Германии. И раздраженно на него ответил:

«Прошу Вас не представлять мне впредь подобных рапсодий. Мое время слишком ценно для того, чтобы я стал заниматься всякими фантазиями».

А после этого снова отправился играть с императрицей и некоторыми из своих друзей.

В тот вечер Мария-Луиза затеяла игру в «летающего голубка». Наполеон, в шутку поднявший руку при слове «министр», был приговорен «к наказанию». От него потребовали стать «рыцарем печального образа», то есть усесться в кресло и посадить себе на колени даму, которую будет целовать другой играющий.

Он сыграл свою роль с глубокой ревностью, очень насмешившей собравшихся.

Затем он потребовал, в качестве репарации за нанесенную ему обиду, чтобы и Мария-Луиза проявила какие-нибудь свои способности развеселить общество.

Императрица имела только одну такую способность, но зато она очень этим гордилась. Она встала, бросила на Наполеона признательный взгляд и пошевелила ухом; при этом на лице ее не дрогнул ни один мускул.

Это зрелище поразило присутствующих до такой степени, что Марии-Луизе пришлось проделать это еще два раза.

– Еще! Еще! – восхищенно кричали гости.

Но императрица, утомленная этим упражнением, запросила пощады.

– Я проделаю это завтра вечером, – пообещала она.

Затем она возобновила игру и назначила наказание красавице герцогине де Бассано, которая по глупости заставила «вспорхнуть» эскадрон.

– Вы должны будете, – сказала она ей, – «поцеловать подсвечник».

Молодая женщина прекрасно знала все бывшие в моде в то время наказания. Она не стала прикасаться губами к канделябру, как это однажды сделала, к огромной радости придворных дам, жена сборщика налогов из Лиможа. Взяв в руки подсвечник, графиня передала его Наполеону, ставшему таким образом «живым подсвечником», и наградила его долгим поцелуем...

Все зааплодировали, а императрица долго хохотала над смущенным видом императора. Она конечно же не так веселилась бы, если бы заметила в глазах присутствующих огонек иронии. Ибо все свидетели этой сцены прекрасно знали о том, что госпожа де Бассано вот уже несколько месяцев является любовницей Наполеона...

Обязанности, которые эта молодая женщина, урожденная Мари-Мадлен Лежеа, исполняла в постели императора, очень способствовали упрочению положения ее мужа. Тот, Юг-Бернар Маре, очень посредственный политик, стал благодаря ей герцогом де Бассано и министром внешних сношений (иностранных дел).

Следует отметить, что она была особой очень ловкой.

Для того чтобы понравиться своему владыке, она использовала все доступные ей средства. В постели она позволяла проявляться самым низменным инстинктам, которые дремали в ней, и проявляла себя неутомимой вакханкой, приводя в восторг Наполеона новыми находками в распутной эротике и выматывая его своими сложными ласками. При дворе она наряжалась в платья с декольте, доходившими до самых сосков. В своей гостиной, зная о том, что император любил наблюдать за тем, как женщины следят за порядком в доме, она в присутствии гостей подрубала тряпки...

В начале 1812 года, в то время как Наполеон готовился начать войну против России, чары Мари-Мадлен едва не поставили империю на грань катастрофы. В то самое время император, предвидевший, что предстоявшая кампания будет очень трудной, подумывал о том, чтобы вновь приблизить к себе Талейрана и поручить ему одну очень деликатную миссию в Польше. Речь шла о том, чтобы отправиться в Варшаву и руководить во время экспедиции польскими делами. Госпожа де Бассано провалила этот план, что, возможно, изменило ход истории.

Послушаем же Коленкура:

«К концу зимы (в марте 1812 года) император стал относиться к мсье Талейрану значительно лучше. Он даже имел с ним несколько бесед. Однажды вечером он заговорился с ним допоздна, что очень встревожило мадам де Бассано, которая увидела в нем преемника своего муженька.

Узнав о причинах беспокойства молодой женщины, император вызвал к себе Бассано и рассказал ему подробно о задаче, которую он поставил перед Талейраном.

– Сами видите, – добавил он, – вам нечего опасаться. Князь де Беневан будет служить мне, руководя поляками, присматривая за Веной и Германией и никоим образом не вмешиваясь в ваши обязанности. Речь идет скорее о работе тайного агента, чем о дипломатической деятельности.

Спустя несколько дней после этого Наполеон узнал о том, что задача, которую он поручил Талейрану, стала предметом обсуждения всех гостиных столицы. Придя в бешенство, он окончательно лишил князя де Беневана своего доверия, решив, что тот повинен в разглашении этой тайны; мало того, он даже подписал указ о его ссылке».

Но что же произошло в действительности?

Мсье де Бассано, поставленный императором в известность о намерениях монарха относительно мсье де Талейрана, вернулся домой очень растроганным и все рассказал своей жене. «Та же, – сообщает нам Коленкур, – не стала терять времени и попросила одного из своих близких друзей рассказать всем, кому можно, о миссии Талейрана во всех подробностях.

Чувства, питаемые императором к Талейрану, облегчили его падение. Мсье де Рамбюто, камергер императора, пустил слухи при дворе. Император, которому его полиция донесла о разговорах в гостиных, очень обозлился на князя... Мсье де Бассано восторжествовал, а мсье де Талейран, только по счастливой случайности не попавший в ссылку, навсегда потерял благосклонность императора»²³.

Эта немилость, между нами говоря, лишила императора очень ценного помощника, оставив у руля внешней политики ничтожество, которому суждено было привести Францию к катастрофе.

Наполеон понял это слишком поздно. И сказал об этом Коленкуру, записавшему его жалобы:

«Император заговорил со мной о турках, о шведах. Он очень жаловался на мсье де Бассано. Он обвинял его в непредусмотрительности. Он сказал, что ему плохо служат, что министр внешних сношений делал все только по его указке; что мсье де Бассано ни о чем не думает; что ждет, чтобы ему все время подсказывали; что Швеция должна была вот уже три месяца как быть под ружьем, чтобы воспользоваться случаем для того, чтобы отовоевать назад Финляндию; что турки должны были бы собрать на Дунае армию в двести тысяч человек; что любой другой человек на месте мсье де Бассано заставил бы их уже два месяца тому назад развернуть знамя Магомета; что этим двум державам предоставлялась такая прекрасная возможность забрать назад то, что у них отняла Россия; что их бездействие было огромной политической ошибкой; что немедленная концентрация этих сил, столь нужная ему в данный момент, не была произведена по вине мсье де Бассано; что он повинен в этом перед Францией...»

Таким образом, Франция в очередной раз оказалась в опасности по вине одной слишком красивой, слишком пылкой и слишком честолюбивой женщины...

Глава 6

Женщина является причиной войны между Францией и Россией

Женщина является подарком богов.
Анатоль Франс

Строгие историки, отказывающиеся признать малейшее значение женщин в жизни государств, охотно говорят о том, что в 1812 году Наполеон и русский царь рассорились по политическим причинам.

Эта официальная версия, возможно, удовлетворяет прославленных экономистов, некоторых старых обладателей ипотек и сентенциозных профессоров, старающихся отыскать в жизни оправдание собственной важности. Но для всех остальных людей, знающих о том, что первопричиной всех событий является женщина, этой версии явно недостаточно.

И разумеется, эти малoverы правы. Поскольку разногласия, явившиеся причиной возникновения напряженности между Россией и Францией, заставившие Александра снова открыть порты для английских товаров и толкнувшие Наполеона на самую губительную военную авантюру в новейшей истории, имели в основе своей некоторых очаровательных «сеятельниц раздора», о которых сказал Сен-Симон.

Однажды император сам в этом признается.

– Царь, – скажет он, – был оскорблен, и мы начали войну из-за того, что я взял в жены австрийскую эрцгерцогиню...

Для того чтобы найти объяснение разладу отношений между Францией и Россией, следует вернуться к свиданию императоров в Эрфурте. В то время Наполеон, попав во власть «славянского очарования», дал понять, что он намерен развестись с Жозефиной и взять в жены одну из сестер русского царя²⁴.

Тот очень вдохновился этой идеей и немедленно написал великой княгине Екатерине об ожидавшем ее огромном счастье. Увы! Вернувшись во Францию, Наполеон изменил свое решение.

Молодая русская принцесса, уже приготовившая свое приданое, узнала о перемене решения императора с легко понятным гневом. Будучи девушкой ловкой, она сделала все, чтобы царь разделил ее негодование. Ее находили во всех гостиных лежащей на канапе или на ковре и стенающей, словно каторжница. Время от времени она симулировала обмороки с умением профессиональной актрисы. Ее печаль была разыграна так умело, что Александр, оскорбленный в своих семейных чувствах, вскоре стал поносить Наполеона публично, называя его ослом и толстой свиньей. Эти эпитеты не были свидетельствами глубокой симпатии. Наконец он отдал сестру замуж за герцога Ольденбурга...

«Извечная причина ссор на земле, женщина, – пишет Александр Махан, – внесла раздор в отношения между двумя монархами. Начиная с этого момента свершилось все зло, которое могло свершиться. Немного позднее Наполеон попытается снова завоевать расположение русского царя, пообещав ему взять в жены его младшую сестру (Анну), но это только усугубит положение вещей, и отношения станут еще более натянутыми. Начиная с этого момента война между Францией и Россией стала неизбежной»²⁵.

Женитьба Наполеона на Марии-Луизе, это и понятно, еще более обострила обстановку. К огромной радости Франца I Австрийского, который видел, как претворяется в жизнь его план.

В конце 1811 года император, раздосадованный столь быстрой свадьбой Екатерины, аннексировал герцогство Ольденбургское, лишив тем самым и без того маленьких владений мужа той, которую он задумал было взять в жены. Отсюда и все более возрастающее раздражение русской императорской семьи в отношении Франции.

Догадываясь о том, что чувства, которые он внушал Санкт-Петербургу, были не очень дружественными, Наполеон начал собирать четыреста тысяч войск на польско-русской границе.

25 апреля 1812 года он получил от царя ультиматум с требованием отвести войска от границы. Он на него ничего не ответил, но 5 мая вдруг отбыл с Марией-Луизой в Дрезден...

Там его приняли как сюзерена Европы император Австрийский, король Прусский, король Баварский, король Саксонский и множество принцев, примчавшихся заверить его в личной преданности.

Зрелище всех этих склонившихся перед ним корон наполнило Наполеона гордостью. Он посчитал себя непобедимым. И 29 мая, когда Франц I выехал в Прагу пожить вместе со своей вновь обретенной дорогой дочкой, он выехал в войска, чтобы повести их на Россию.

Очень скоро Наполеон обнаружил, что русские уклонялись от серьезных боев.

– Они меня боятся! – говорил он.

На самом же деле русские проводили дьявольски хитрый маневр. Царь, отступая, заставлял Наполеона втягиваться в огромные пространства России, где морозам суждено было вскоре остановить солдат Великой армии...

Уже многое было сказано о героических подвигах мужчин во время этой ужасной кампании. Но вот подвиги женщин мало кому известны. Однако же женщин в армии было большое множество. В полках они приносили пользу днем своими кулинарными способностями, а ночью – своим талантом любить. Поэтому-то мне и подумалось, что будет интересно опубликовать свидетельства одной из них, знаменитой Иды де Сент-Эльм, которая была любовницей Нея.

Этот необыкновенный документ приоткрывает доселе неизвестный аспект русской кампании:

«За армией следовало много женщин, и я имела честь найти себе подругу в лице одной молодой литовки, чье восхищение французами доходило до героизма. Она дала принцу Евгению один очень важный совет относительно действий Платова, в результате чего эта смелая девушка стала испытывать признательность и восхищение солдат.

Нидия – так ее звали – питала, однако, более личную и более тайную страсть. Увы! В этой ужасной кампании она познала боль потери того, кто внушал ей эту смелость. Однажды я спросила у нее, что же внушало ей такую смелость. И она ответила:

– Похвалы принца Евгения.

Она могла бы добавить к этому: “И любовь к генералу Монбрену”.

Не смогу рассказывать обо всем, что мы выстрадали, какие примеры смелости и упорства мы увидели во время этой ужасной кампании.

Мы путешествовали вчетвером – из четырех женщин только я была француженкой – сначала в коляске, потом в санях, затем пешком, верхом. Две мои несчастные спутницы погибли.

Мы с Нидией были более закаленными и поэтому выжили.

После одного из переходов в тридцать лье по почти что непроходимым болотам мы сделали привал в одном довольно живописном замке.

Войдя в Москву, занятую наконец нашими войсками, мы увидели, что этот огромный город походил на большую могилу; улицы были пустынные, дома покинуты; эта торжественность разрушения сжимала сердце.

Мы поселились на Петербургской улице рядом с дворцом Момонова, где вскоре разместился принц Евгений. Вид этого молодого героя, приветствия солдат, которые его обожали, снова внушили нам иллюзии победы. Мы уснули и видели сладкие сны... Увы! Вскоре нас разбудили крики грабежа и страха».

Отец графини де Сегюр, генерал-губернатор Ростопчин, приказал запалить Москву, и город загорелся в сотнях мест.

«Двери нашей квартиры, – продолжает Ида де Сент-Эльм, – вскоре высадила группа солдат 4-го корпуса, которые заставили нас поскорее покинуть дворец, который был уже охвачен пожаром. Как описать сцену ужаса, которая открылась нашим взорам?

Не имея ни проводников, ни охраны, мы побежали через этот огромный город, наполненный развалинами и трупами, влекомые потоками солдат, толпами несчастных, старавшихся избежать смерти, ордами заговорщиков, со всех сторон запаливших город.

У нас с Индией были пистолеты. Сильные и смелые от рождения, обретя по нужде отвагу, мы шагали через все эти опасности. На углу одной из улиц мы увидели трех негодяев, грабивших раненого солдата, не имевшего сил оказать сопротивление. Индия, подчиняясь единственно инстинкту, выхватила один из своих пистолетов и уложила на месте одного из мародеров. Его подлецы-сообщники в испуге бежали от двух женщин. Мы отвели раненого в какую-то церковь...»

Пока Наполеон терял в Москве столь драгоценное время в ожидании получить со дня на день предложение о мире от царя, наступила зима. За несколько дней все дороги были занесены снегом, температура опустилась до 20 ниже нуля. И тогда император понял, в какую его заманили ловушку. Он решил отступить в Польшу. Однако же, не желая публично признаваться в отступлении, он оставил Мортье в Кремле с десятью тысячами человек. 19 октября, после тридцатипятидневной оккупации, французская армия выступила из Москвы. Но русские, сумев уже перегруппировать свои силы, ждали Наполеона на Смоленской дороге, полные решимости добить его...

Послушаем снова Иду де Сент-Эльм:

«Многие уже прекрасно описали эту сказочную войну, эпизоды этого наполненного страшными и новыми для французов волнениями отступления, но твердая и живописующая кисть великих писателей не смогла воспроизвести в полной мере всех оттенков.

Я видела, как несчастные женщины были вынуждены платить печальную дань за право подойти к бивуачному костру... Я видела их, покинутых всеми, гибнущих в снегу или под ногами тех, кто больше их не узнавал, в нищете на следующий день, жертвами тех, кто еще накануне испытывал к ним желание.

До некоторого времени казаки не беспокоили наши экипажи, но вскоре мы увидели их позади наших повозок. У меня не было воинственности Нидии, но при приближении тигра я почувствовала потребность его убить.

Надо было видеть этих казаков, нападающих в этих безлюдных снежных пустынях на наших солдат не для того, чтобы убить, а для того, чтобы ограбить их и оставить голыми под снегом. При этом первом появлении и этой внезапной тревоге Нидия восемь раз выстрелила из пистолета, пять раз попав в цель. Я постаралась не уступать ей. Какой-то солдат, целясь позади меня из ружья во врага, сказал мне:

– У вас дрожит рука... Неужели вам жаль этого подлеца?

Я выстрелила и принялась снова заряжать пистолет. Тут солдат заставил меня вздрогнуть от чисто воинского энергичного одобрения:

– Отличный выстрел!..

Разгоряченная Индия схватила карабин и уже готова была броситься в схватку, но тут послышался топот нашей кавалерии, заставившей казаков поспешно ретироваться.

В адрес Индии было высказано столько похвал, что мне было бы стыдно опорочить нашу дружбу своим недостаточно смелым поведением.

Случай вести себя смело предоставлялся нам неоднократно в результате бесчисленных налетов на багаж, обычную добычу казаков Платова. Достаточно было только увидеть вблизи этих грязных донских казаков для того, чтобы у нас появились силы дать им отпор.

Неподалеку от Вязьмы Индия, удалившаяся от меня на некоторое время, снова спасла нас благодаря своей энергии; там она схватилась врукопашную с одним казаком, который, увидев, что перед ним женщина, стал отчаянно смелым от желания. Судьба, к счастью, послала нам подкрепление, и казак, а также те, кто был с ним, потеряли желание нас преследовать.

Во время одной из атак спустя несколько дней после этого Индия, продолжая вести себя геройски, получила, находясь рядом со мной, серьезное ранение в висок. Ужас этой картины снова сделал меня женщиной, и я зарыдала от боли.

– Успокойтесь, – сказала мне эта отважная девушка. – Если я останусь в арьергарде, я пропала... Я не должна слезать с лошади.

И она осталась в седле с удивительной решимостью.

Толпа росла с каждой минутой, вслед ей неся смертоносный огонь русских батарей»²⁶.

Отступление началось.

В ходе его тремстам тысячам мужчин суждено было погибнуть только из-за того, что Наполеон пренебрег маленькой русской принцессой...

Глава 7

Наполеон делает Марию-Луизу регентшей империи

Он слепо любил ее.
Г. Фляйшман

В то время как солдаты Великой армии гибли от голода и холода в степях, где некоторыми ночами термометр показывал минус 30 градусов, Мария-Луиза, не ведая о постигшей императора катастрофе, спокойно проживала в замке Сен-Клу.

23 октября часов около десяти утра, надев на голову ток из черного бархата, укутавшись в серое мантио, она спустилась в парк в сопровождении госпожи де Монтебелло. Несмотря на легкий туман, они отправились на ежедневную прогулку, обсуждая «прекрасные новости», которые Наполеон, заботясь о состоянии духа императрицы, присылал почти ежедневно²⁷.

Вдруг они увидели, как к ним бежит принц Альдобрадини, находившийся в состоянии большого волнения. Когда до женщин осталось два шага, он снял с головы шляпу и произнес вот такую неожиданную фразу:

– Ваше Величество! В Париже только что началась революция...

Императрица сразу же потеряла цвет карамельки. Представив себе, как ее тащат в тюрьму «Консьержери», а затем на эшафот, как ее тетку Марию-Антуанетту, она задрожала.

– Да кто же это сделал? – пробормотала она.

Принц, находясь в сильном волнении, сбивчиво объяснил, что генерал Мале явился ночью в одну из казарм с ложным декретом Сената в руках, в котором объявлялось о гибели императора и о назначении его, генерала Мале, военным комендантом Парижа.

Властный тон заговорщика ввел офицеров в заблуждение. Вскоре в сопровождении отряда национальной гвардии генерал Мале прибыл к министру полиции Савари, арестовал его и приказал доставить в тюрьму «Форс»²⁸. После чего поступил точно так же с префектом полиции.

– В настоящий момент, – закончил свой рассказ принц, – Мале, поддержанный генералом Лаори, имеет под командой несколько полков. В его руках Городская ратуша, а его люди заняли позиции у заставы Сен-Мартен, у заставы Венсен, в префектуре полиции, на Гревской площади, на набережной Вольтера и на Королевской площади...

Мария-Луиза совсем приуныла.

– Надо спасти короля Римского, – сказала она.

И быстро вернулась в замок. За ней, вся в слезах, последовала госпожа де Монтебелло.

Спустя четверть часа была готова карета, на которой императрица и сын Наполеона собирались уехать в Сен-Сир. В карету уже начали спешно грузить чемоданы, но тут через парадные ворота замка галопом проскакал какой-то всадник.

– Успокойтесь! – крикнул он. – Все уже закончилось!..

Гонца от военного министра герцога де Фельтра срочно провели к императрице, и он объяснил, что же произошло в Париже.

Ранив выстрелом из пистолета в голову генерала Юлена, не поверившего в известие о кончине императора, Мале отправился к начальнику Генерального штаба генералу Дусэ. Но этот вояка не дал себя провести. Прочитав сфабрикованное заговорщиком постановление Сената, он вскричал:

– Это ложь!..

Тут рука Мале потянулась за пистолетом. Это было неосторожно с его стороны, поскольку адъютант Дусэ по имени Лаборд набросился на мятежного генерала и скрутил его.

– Теперь Мале со своими сообщниками находится в тюрьме, – добавил адъютант герцога де Фельтра. – Министр полиции и префект освобождены, в Париже все спокойно. Ваше Величество, вы можете больше не волноваться.

Мария-Луиза облегченно вздохнула.

Спустя два часа, вновь обретя спокойствие и непосредственность, она стала шутить со своими придворными дамами над неудобствами, которые испытывают люди, отправленные на гильотину...

Но Наполеон не стал относиться к этому происшествию с такой легкостью.

Когда до него, спустя семнадцать дней после этого, дошла почта с сообщением о том, что случилось, он, как говорят, «застыл, словно пораженный молнией».

Он никогда даже предположить не мог того, что кто-то посмеет поднять руку на его могущество. Но оказалось, что достаточно того, чтобы какой-нибудь блестящий генерал объявил о его кончине, чтобы империя оказалась на грани падения... Он был поражен и оглушен; было ясно, что при объявлении о его смерти никто в Париже даже не подумал о том, чтобы провозгласить Римского короля Наполеоном II.

Охваченный внезапным беспокойством, он принял решение немедленно вернуться во Францию с тем, чтобы быть в Тюильри раньше, чем туда придет известие о его военном поражении.

Бросив свою армию, он сел с Коленкур в сани и направился к Березине. Там он отдал приказ генералу Эбле навести через реку мост и первым перебрался по нему на другой берег. За ним в неопишемом беспорядке устремились на другой берег его войска, стремящиеся спастись от казаков. Вот как Ида де Сент-Эльм, любовница Нея, описывает этот печальный эпизод истории Франции:

«Маршалу Нею ценой невероятных усилий удалось завязать бой для того, чтобы бегство стало возможным. Для того чтобы весь этот людской поток перебрался на другой берег реки, не хватило и трех дней: в этой роковой схватке, которую с равными интервалами освещали вспышки русских пушек, каждый думал только о себе.

В десяти шагах от нас упало ядро. Я в ужасе бросилась было в сторону, но Индия, сохраняя хладнокровие, успокоила меня. Это была замечательная девушка.

Мы снова уселись в повозку, на которой ехала какая-то маркитантка с двумя детьми, и переждали опасность. Наконец генералу Жерару удалось проложить путь и обеспечить некоторый порядок на переправе.

– Пора, – сказала мне Индия. – Надо ехать.

Но бедная маркитантка, уже встретившая столько опасностей, не смела тронуться с места.

– Давайте нам одного из ваших детей, – сказала я ей, – мы переправим его на тот берег.

– Не могу, – ответила та, – они мне одинаково дороги.

Едва мы достигли противоположного берега, как мост затрещал. Потом вдруг он рухнул, и мы услышали вопль, один вопль, вырвавшийся из множества глоток, вопль, который невозможно описать. Всякий раз, когда я об этом вспоминаю, он звучит у меня в ушах. Все бедолаги, оставшиеся на том берегу, пали под картечью, поскольку тут же появились русские. И только тогда мы смогли понять всю глубину катастрофы. Лед не был достаточно толстым, он треснул, и река поглотила солдат, женщин, лошадей, повозки...»

Ида де Сент-Эльм и ее подруга Индия отъехали от Березины:

«За золото мы смогли наконец раздобыть убогую повозку и на ней достигли территории Польши.

Там я рассталась с Индией, этой отважной девушкой, которая, как я потом случайно узнала, погибла при переправе через Эльбу в районе Торгау.

Прежде чем расстаться с моей маленькой литовкой, мы присоединились к дивизии генерала Гудена, входившей в состав 3-го корпуса под командованием Нея.

Есть вещи, признаться в которых очень трудно для женского самолюбия. Моя одежда была столь ужасна, что можно было подумать, что я специально переоделась, чтобы не быть узнанной. В столь грязной и растрепанной личности было очень трудно признать женщину.

Нею, однако же, хватило одного только взгляда в мою сторону для того, чтобы меня узнать.

Я бросилась было к нему, но тут он крикнул:

– Что вы здесь делаете?.. Что вам нужно?.. Убирайтесь отсюда поскорей!

Я пробормотала что-то в ответ, но он меня уже не слушал. Его недовольство от встречи со мной было таким большим, он так живо высказал свои чувства, что мне показалось, что его злость сейчас перенесет меня на другую сторону Днепра.

Ошарашенная подобным приемом, я застыла на месте, тупо глядя перед собой, полагая, что продолжая видеть его, но он уже исчез»²⁹.

В то самое время, когда Ида де Сент-Эльм испытывала это разочарование, Наполеон остановился в замке Валевице для того, чтобы обнять Марию Валевскую.

Там он провел с ней ночь, а наутро, с довольным сердцем, уехал.

Проехав на санях через всю Европу, он в Дрездене пересел в карету и в полночь 18 декабря прибыл в Тюильри. Его никто не ждал. Когда он вошел в свои покои, женщины от неожиданности вскрикнули. Даже сама императрица едва узнала его – небритого и в соболей шапке на голове.

Спустя час, приняв ванну и поцеловав сына, Наполеон пришел в спальню Марии-Луизы и доказал ей, что холод русских равнин не смог остудить его чувств к ней...

На следующий день Наполеон, желая узнать, что же думают о нем в Париже, велел принести к нему все памфлеты и все брошюры, которые тайно ходили по городу, несмотря на всю бдительность полиции Савари.

И вскоре он обо всем узнал...

Никогда еще газетные писаки роялистского и республиканского толка не нападали на него с такой злобой, ненавистью и руганью... Его называли «мясником», «тираном», «тигром, алчущим крови», ему угрожали покушением, которое «избавило бы Францию», его сравнивали с Нероном, с вурдалаком, с гиеной...

В некоторых листовках речь шла – уже – об отступлении из России, о переправе через Березину и о шестистах тысячах человек, пропавших ни за что в снегах...

Император раздраженно перелистывал страницы. Вдруг он наткнулся на песенку под названием «Заслуги Бонапарта». На полях полицейский написал: «Эту песню сегодня распевает весь Париж. Нам удалось арестовать несколько сотен копий ее. Автора мы пока еще не нашли».

Наполеон прочел:

Я умен, остроумен, воспитан, друзья,
Об этом везде говорят.
И за то люди хвалят и ценят меня,
Что готов... поломать и разрушить я
Все подряд.
Все подряд,

Все подряд.
Всей стране непременно надо сказать,
Что себя я прекрасно веду.
Чтобы каждый был счастлив об этом узнать
И отдал бы все, чтоб меня увидеть.
..В аду,
В аду,
В аду.

В стране беспокойной огромной
Я сею вражду меж людей
И признаюсь без скромности ложной,
Что петли заслужил я позорной,
Как злодей,
Как злодей,
Как злодей.

Но рассыпался мной возведенный
Счастья храм. Все случилось так резко!
Как диктатор, народом смещенный,
Я почетом умру окруженный...
На площади Гревской,
Гревской,
Гревской.

Впервые столь жестокие куплеты были так хорошо восприняты народными массами. Это очень задело императора. Он вызвал к себе Маршана³⁰.

– Пусть найдут автора этой песенки и арестуют его!

Потом он встал и принялся ходить взад-вперед по гостиной, теребя полу сюртука.

Все эти критические выступления, все эти памфлеты, все эти куплеты уже показывали, что народ начал поднимать голову. В деревнях мужчины уже начали уклоняться от призыва в армию. Сообщалось о многих случаях членовредительства. Тысячи молодых селян сломали себе верхние зубы, зная, что они необходимы для того, чтобы надкусывать заряды³¹.

Наполеон уселся у камина.

Он рассчитывал весной возобновить наступление. Ему надо было обеспечить тылы и не дать возможность прийти к власти генералам, которых он подозревал во враждебном к себе отношении. Там, где потерпел неудачу Мале, могли добиться успеха другие, лучше организованные. После продолжительных раздумий он решил, что единственным гарантом власти в столице в то время, пока он будет сражаться, могла быть только Мария-Луиза, помазанная на царствование самим Папой Римским.

Организовать эту церемонию было несложно, поскольку вот уже два года как Пий VII был его пленником в Фонтенбло...

Спустя несколько дней Наполеон с императрицей отправился с визитом к святому отцу.

Рассказывают, что в течение целого часа «он ласкался к нему, льстил, угождал для того, чтобы тот простил ему все его притеснения».

Это явно удовлетворило Пия VII.

Тогда Наполеон предложил ему подписать новый конкордат и попросил своего «пленника» освятить церемонию коронования императрицы.

– Моя династия нуждается в моральной поддержке католической церкви для того, чтобы оградить ее от возможных нападок в будущем, – сказал он. – Все короны Европы опираются на римскую церковь, а из-за своего титула маленький король, мой сын, более, чем кто другой, нуждается в этой опоре.

Папа Римский взглянул на императора с некоторым лукавством.

– Как хорошо, – сказал он, – что вы не смогли добиться того, чтобы я умер от печали, как вам этого хотелось. Ибо мой восприемник, возможно, был бы не в состоянии совершить в такую суровую зиму путешествие из Рима в Париж... Господь очень милостив!..

Наполеон напустил на лицо выражение смущения, которое не обмануло святого отца, но показало ему, что собеседник не лишен воспитания.

Кончилось все тем, что мужчины договорились о помазании императрицы в соборе Парижской Богоматери 7 марта.

Вернувшись из Сен-Клу, Наполеон разослал приглашения и начал подготовку к столь замечательному событию.

Увы! Спустя несколько дней после этой встречи Пий VII по наущению кардиналов, прошедших через тысячи унижений, объявил императору о том, что по зрелом размышлении он не сможет присутствовать на коронации.

Находясь в большом затруднении от того, что не может оставить в Париже помазанную церковь императрицу, Наполеон решил, что на время его отсутствия Мария-Луиза будет назначена регентшей...

30 марта он подписал служебный циркуляр, в котором были детально расписаны права и обязанности его супруги. Вот какими были огромные обязанности, переданные императором женщине в возрасте двадцати одного года, которая никогда до этого не занималась политикой...

«Императрица-регентша будет председательствовать на заседаниях Сената, Государственного совета, Совета министров, Личного совета и чрезвычайных совещаний, которые могут быть созваны в случаях, когда императрица-регентша сочтет нужным... Она будет иметь право помилования, смягчения наказаний и предоставления отсрочек по приведению в исполнение постановлений и приговоров... Она сможет подписывать декреты о назначениях и производствах в небольшие должности и звания или же срочные важные назначения и производства. К незначительным производствам относятся: по военному ведомству: производства в звания младших лейтенантов, лейтенантов и капитанов, по морскому ведомству: производство в офицерские звания до лейтенанта включительно, а по судебному и административному ведомствам: назначения должностных лиц, которых мы не станем назначать своим указом...»

Это «назначение» было по-разному воспринято при дворе.

Одни вспоминали о том, что Жозефина не была в свое время удостоена подобных почестей.

– Потому что она не была королевской крови, – отвечали на это.

Другие уверяли, что император сделал это из любви. На что ворчуны отвечали тем, что любовь, видно, совсем ослепила императора...

К счастью, все эти пересуды были прерваны одним довольно забавным скандалчиком, которому суждено было на некоторое время дать пищу для разговоров в Сен-Клу.

Молоденькая дама для чтения при императрице, мадемуазель де Б..., в жилах которой текла особенно горячая кровь, надумала отпраздновать свой день рождения довольно оригинальным способом.

Послушаем господина де Ранен:

«Она пригласила на ужин к себе в апартаменты столько прекрасных кавалеров, сколько ей было лет, то есть восемнадцать мужчин. Им был подан роскошный ужин с вином, количество которого было достаточным для того, чтобы узы скромности несколько ослабли...»

После десерта эти узы ослабли настолько, что вскоре молодая женщина оказалась в очень легком одеянии на ковре, отдаваясь самым прекрасным инстинктам с одним из гостей.

Когда этот господин закончил свой труд, мадемуазель де Б..., не познав удовлетворения, крикнула:

– Следующий!

Второй гость охотно – осмелюсь так выразиться – заступил на смену первому.

Когда и он закончил упражнение, молодая женщина, придя в еще большее возбуждение, крикнула:

– Следующий!

Третий гость встал на пост, был горячо принят и начал трудиться.

А остальные пятнадцать гостей, поняв наконец, в какую приятную ловушку заманила их мадемуазель де Б..., терпеливо выстроились в очередь.

Семеро из них были благодетельствованы таким образом. Но, увы! После десятого клиента мадемуазель де Б... почувствовала некоторую усталость.

– Подождите немного, – прошептала она. – Я должна перевести дух...

Но оставшиеся восемь молодцов, ожидавших своей очереди с нарастающим нетерпением, не стали ее слушать.

Они все вместе набросились на лежавшую на ковре молодую женщину и поочередно вручили ей самое дорогое из того, что у них было.

Бедная мадемуазель де Б... тогда поняла, что желание ее превзошло возможности. Пресытившись ласками, она попыталась было вырваться из рук нападавших. Но безуспешно. Тогда она начала кричать. На ее вопли примчалась стража, находившаяся на этаже.

Спасенная в тот самый момент, когда восемнадцатый гость готовился воздать ей свои пылкие почести, она была уложена на кровать в плачевном состоянии. Она пролежала в постели, страдая от стыда и боли, две недели, в течение которых над ней потешался весь дворец.

Что же касается несчастного гостя, не успевшего воплотить в жизнь свои надежды, то его прозвали «нищенским уделом».

Глава 8

Каролина вынуждает Мюрата предать императора, для того чтобы сохранить трон Неаполя

На ее красивой женской шее сидела голова Кромвеля.
Талейран

Наполеон был очень суеверен. В начале апреля 1813 года, чувствуя, что судьба первый раз в жизни отвернулась от него, он испытал желание снова сблизиться с той, которая в течение четырнадцати лет была его «добрым ангелом».

Он отправился в Мальмезон, где его встретила охваченная волнением и вся светящаяся от радости Жозефина.

– Удача покинула меня в тот день, когда мы с тобой расстались, – сказал он ей. – Может быть, мне не следовало отвергать тебя...

Она грустно улыбнулась:

– Но у тебя теперь есть сын...

– Что-то с ним будет? В тот момент, когда Мале распустил слух о моей смерти, о нем никто и не подумал... Его будущее так мрачно...

Жозефина никогда еще не видела Наполеона таким подавленным, таким пессимистом. Это ее глубоко тронуло. До такой степени, что она сделала ему невероятное предложение:

– Если ты и впрямь считаешь, что я была талисманом твоей жизни, – сказала она, – может быть, мне достаточно будет встретиться с императрицей Марией-Луизой для того, чтобы передать ей мои «добрые способности»... Я тебе это уже как-то предлагала. Мне так хотелось бы с ней познакомиться...

Наполеон знал, что она была допущена ко двору в качестве «гостьи», для того чтобы сблизиться с императрицей, высказать ей свое мнение и просветить советами. Но он отрицательно покачал головой:

– Луиза никогда на это не согласится. Она очень тебя ко мне ревнует.

Жозефина усмехнулась:

– Ревнует?

– Да. Она знает, как сильно я тебя любил и что продолжаю любить.

– Тогда позволь мне хотя бы разок увидеть короля Римского, всего только раз, и обнять его.

Она уже не в первый раз обращалась к нему с этой просьбой, но император, опасаясь гнева Марии-Луизы, всегда отказывал ей в этом.

Видя, что он колеблется, Жозефина призналась ему в том, что уже познакомилась с другим его сыном, Александром Валевским.

– Время от времени я приглашаю сюда мадам Валевскую, которую ты тоже заставил так сильно страдать. Мы подружились с ней. Она привозит сюда маленького Александра, и мне доставляет большое удовольствие дарить ему игрушки и ласкать его...

И это было правдой. Иногда Жозефина принимала свою бывшую соперницу в компании своей дамы для чтения, госпожи Газзани. И тогда они втроем за просто заводили разговор о доброте их великого человека...

– Александр просто очарователен, – сказала она. – Но мне так хочется увидеть короля Римского, ребенка, которому суждено продолжить то дело, которое ты начал в то время, когда я еще была рядом с тобой...

Растроганный Наполеон дал свое согласие.

Они договорились о том, что встреча состоится как бы случайно, для того чтобы Мария-Луиза, если она узнает об этом, не стала сильно сердиться.

Сделать это было очень просто. Юный принц ежедневно выезжал на прогулку в Булонский лес вместе со своей гувернанткой, госпожой де Монтескье (мамой Киу). Достаточно было продлить маршрут этой прогулки до Багатели, где случайно оказалась бы Жозефина.

Свидание было назначено на послезавтра. В тот день Наполеон поехал верхом сопровождать сына. Он хотел непременно лично представить сына. Приехав в место давнего безумства графа д'Артуа, госпожа де Монтескье вывела ребенка из кареты и передала его императору. На свидании никто не должен был присутствовать.

В гостиной, теребя носовой платок, их ожидала Жозефина. Внезапно дверь открылась. На пороге появился бледный, как и она, Наполеон.

– Я привез вам короля Римского, – сказал он.

Затем он наклонился к сыну и добавил:

– Пойдите поцелуйте даму, которая испытывает к вам большую любовь.

Императрица протянула руки к маленькому принцу. Тот неуверенно направился к ней.

– До чего же он красив!

Когда он приблизился к ее креслу, она подняла его, усадила к себе на колени и покрыла поцелуями. Ребенок был весел и нежен. Он стал забавляться с украшениями Жозефины, подергал ее за серьги и наконец затих в ее объятиях.

Со слезами на глазах креолка несколько минут баюкала его, не произнося ни слова.

Затем Наполеон сказал:

– Поцелуйте Мадам в последний раз, сын мой. Мы должны уезжать. Нас ждет матушка Киу...

Маленький принц поцеловал Жозефину и подбежал к отцу. Тогда и император подошел к женщине, которую страстно любил, и обнял ее.

Спустя мгновение он закрыл за собой дверь гостиной, оставив ее в одиночестве.

Это была их последняя встреча...

Вернувшегося в Сен-Клу Наполеона ждала новость, которая не доставила ему удовольствия. Его сестра Каролина Мюрат стала героиней скандала, над которым потешались все его поданные.

Эта пылкая молодая женщина уже заставила говорить о себе за несколько месяцев до этого, когда она взяла себе в любовники герцога де ла Вогиона, генерал-полковника королевской гвардии Мюрата. Но на сей раз скандал имел оттенок буффонады...

Послушаем, как рассказывает об этом Жозеф Тюркан:

«Во время благосклонного отношения, следует сказать непродолжительного, к герцогу де ла Вогиону королева Неаполитанская приказала произвести в своем дворце кое-какие работы по его переустройству. Причины, которые привела Мюрату для оправдания этого предусмотрительная женщина, были просты: она заявила, что, поскольку население Неаполя очень быстро меняет свои симпатии, хорошо было бы предпринять кое-какие меры предосторожности на тот случай, если народ подымется, и для этого было бы нелишним обеспечить пути отступления из осажденного дворца в случае смертельной опасности. Поэтому она велела своему архитектору мсье Мазуа построить тайный коридор из своих апартаментов до большой галереи, в которой находились многочисленные выходы из дворца.

Этот потайной коридор должен был быть очень узким – с тем расчетом, что по нему мог бы пройти только один человек.

Когда мсье де ла Вогиона вызывали к королеве, он свободно проходил по этому коридору, поскольку был сухощав и гибок. Но когда позднее королева пожелала проводить с мсье

Дором, военно-морским министром, частные беседы на темы политики или на другие, менее абстрактные и менее поэтические темы, она указала ему на этот потайной коридор, для того чтобы он мог в любое время дня и ночи приходить по ее зову, не беспокоя швейцаров и слуг, которые всегда готовы были поточить ляды и высказать неумеренные замечания по поводу своих хозяев. И она дала ему ключ от двери, которая выходила в галерею.

И вот вечером того же дня у нее возникла необходимость или же просто желание поболтать с мсье Дором. Она послала передать ему это. Но назначенное ею время уже давно прошло, а мсье Дора все не было. Обеспокоенная его отсутствием, она решила сама пойти поискать его, взяла фонарь и вошла в потайной коридор. И вскоре нашла объяснение отсутствию мсье Дора в своих апартаментах: будучи гораздо толще мсье де ла Вогиона, для которого этот коридор и строился, военно-морской министр застрял в узком проходе, словно корабль между скалами, не имея возможности двинуться ни взад, ни вперед»³².

Положение было самое что ни на есть смешное. Вооружившись ножницами, Каролина разрешила одежду любовника и наконец сумела освободить его. Полуголый, исцарапанный, продрогший, он дотащился с ее помощью до опочивальни, но там проявил себе пылким собеседником...

Однако королева Неаполитанская вскоре стала вести себя еще более дурно...

За несколько дней до начала боевых действий против Пруссии императорское семейство заканчивало обед в Сен-Клу, когда появился секретарь, вручивший Наполеону рапорт, в котором указывалось, что Австрия была готова примкнуть к коалиции. Император повернулся к императрице и сказал ей:

– Ваш папаша – *ganache*³³!

Мария-Луиза не знала этого слова по-французски. И на всякий случай улыбнулась. Но после обеда она обратилась к первому же попавшемуся ей придворному:

– Император сказал мне, что мой отец – *ganache*. Не могли бы вы объяснить мне, что это слово означает?

Придворный был в крайнем затруднении. Но в конце концов пробормотал:

– Ваше Величество этим словом называет людей мудрых, имеющих вес и дающих разумные советы...

А на другой день Мария-Луиза председательствовала на Государственном совете.

Когда дискуссия приняла, по ее мнению, слишком оживленный характер, она обратилась к зевавшему по сторонам Камбасересу:

– Господин главный канцлер, решение по этому важному вопросу мы предоставляем принять вам. Вы будете нашим оракулом, поскольку я считаю вас первым *ganache* империи.

Оживление в зале было столь большим, что императрица, заподозрив что-то нехорошее, взглянула в словарь. И узнала, что император думал о ее дорогом папочке. Это ей не очень понравилось...

15 апреля 1813 года Наполеон покинул Сен-Клу и отправился в войска в Майнц. Для того чтобы противостоять этой шестой коалиции, образованной против него Англией, Россией, Пруссией, Швецией и Испанией, он заставил императрицу поставить под ружье двести тысячи подростков, которых звали «сынками Марии-Луизы». С этими юными солдатами, большинство из которых и ружья-то держать не умело, он смог разбить противника 2 мая при Лютцене и 20 мая при Баутцене, где был убит его лучший друг Дюрок.

Меттерних, считавший, что после отступления из России у Наполеона уже не было больше сил, совсем пал духом. И выступил посредником в заключении перемирия. Император под влиянием своего окружения, деморализованного на протяжении шести месяцев, сделал ошибку и согласился его подписать.

Эта передышка дала Австрии возможность закончить мобилизацию и подготовиться к вступлению в войну против Франции.

В июне позиция австрийцев начала серьезно беспокоить Наполеона. Однако же он не подавал виду и ничего не говорил об этом в письмах, которые почти ежедневно присылал Марии-Луизе. 25 июня он написал ей (орфография сохранена):

«Друг мой, сегодня я совершил прогулку в двадцать лье по лесам в окрестностях Дрездена. Вернулся в 10 ч. вечера. Здоровье мое в отличном состоянии. Сегодня вечером в Дрезден прибыл Меттерних; посмотрим, что он скажет и чего хочет папаша Франц. Он продолжает увеличивать состав своей армии в Богемии; я укрепляю мою армию в Италии. Поцелуй за меня своего сына. Очень хочу снова тебя увидеть. Adio, mio bene³⁴.

Нап.»

На следующий день он принял Меттерниха и сказал ему:

– Итак, вы хотите воевать. Хорошо же. Повоюем. Я разбил прусскую армию под Баутценом. Теперь наступила ваша очередь. Назначаю вам свидание в Вене. Люди неисправимы. Они забывают историю, ее уроки. Я... пообещал ему, что буду поддерживать мир с ним до тех пор, пока я жив... Я женился на его дочери. Тогда я думал: «Ты делаешь ошибку». Ошибка сделана. Сегодня я об этом жалею...

Но вечером, по-прежнему не желая беспокоить императрицу, он ограничился тем, что написал вот такое короткое письмо:

«Мой милый друг, я долго говорил с Меттернихом, разговор этот меня очень утомил. Но здоровье мое по-прежнему в порядке. Я долго смеялся над тем, что ты сообщила мне по поводу ревности маленького короля.

Очень хочется его увидеть. Поцелуй его за меня трижды. Видела ли ты слона в Ботаническом саду? Adio, mio bene. Твой навеки.

Нап.»

В июле императору вдруг так захотелось увидеться с Марией-Луизой, что он решил пригласить ее к себе в Майнц. И она прибыла туда 24 июля. Он немедленно затащил ее в постель и посреди сбитых простыней забыл на какое-то время про все политические неурядицы.

В течение двух недель он наслаждался таким образом сладострастным телом императрицы, даже не подозревая того, что «папаша Франц» ловко использовал это его «забвение в любви»...

11 августа Австрия, нарушив перемирие, объявила Франции войну.

Наполеон, воздав Марии-Луизе последние почести, отправил ее в Париж.

А через день после этого он потрепал войска коалиции под Дрезденом.

Но в последовавшие за этим дни его маршалы потерпели сокрушительные поражения, что заставило его двинуться на Лейпциг для того, чтобы избежать окружения.

Там с 16 по 19 октября 185 000 французов сражались против 333 000 солдат армии коалиции. На третий день саксонские полки, находившиеся в рядах Великой армии, перешли в самый разгар битвы на сторону врага и выступили против тех, кто совсем недавно были их собратьями по оружию. Это предательство вынудило Наполеона отдать приказ к отступлению.

Но его ожидала еще более вероломная измена, которой суждено было похоронить империю...

Спустя пять дней после катастрофы под Лейпцигом Наполеон принял в своей палатке Мюрата и описал ему малоутешительную обстановку, в которой находился. Впервые в жизни он казался на грани обескураженным.

Король Неаполитанский выслушал императора с большим вниманием. Затем он отклонялся ему и, выполняя указания своей очаровательной супруги, направился к австриякам для того, чтобы его предать...

Каролина уже давно поддерживала отношения с Меттернихом – любовницей которого она была – ис графом Майером, бывшим до того послом Австрии в Неаполе.

После отступления Наполеона из России она сказала Мюрату:

– Империя обречена, скоро Наполеона разгромят. Что тогда будет с нами? Для того чтобы сохранить за нами Неаполитанское королевство, нам нужна поддержка Австрии. Только она сможет нам помочь... Мы должны вовремя вступить с ней в переговоры...

И добавила:

– Я говорю «вовремя», что значит не торопясь. Ибо от Наполеона можно ждать всяких неожиданностей...

И вот, решив, что настал этот самый подходящий момент, Мюрат отправился в лагерь к австрийцам. Его провели к генералу графу Майеру, приятелю Каролины, у которого он спросил, каковы будут австрийские условия.

– Они очень просты, – с улыбкой ответил Майер. – И Ее Королевское Величество о них уже знает. Вам достаточно будет просто присоединиться к коалиции... В благодарность за это император Австрии гарантирует вам, что вы сохраните ваши владения...

Мюрат согласился выставить своих солдат против войск принца Евгения и вернулся в лагерь французов, где, как воспитанный человек, он пожелал перед отъездом проститься с императором.

После чего он сел в свою карету и вернулся в Неаполь, из осторожности проехав через Швейцарию...

В Неаполе красавца Иоахима с радостью встретила Каролина.

Это очаровательное создание уже узнало от Меттерниха обо всех подробностях разговора мужа с генералом Майером.

– Мы спасены! – сказала она.

И для того чтобы отметить эту измену, которой суждено было ускорить падение брата, она организовала праздник.

11 января 1814 года Мюрат подписал договор о союзе с Австрией... В обмен на обещание «свободного и мирного правления всеми территориями, которыми он владеет в Италии», он брал на себя обязательства всеми своими силами бороться против Наполеона «и выставить для войск коалиции 30 000 солдат»...

Госпожа Рекамье, находившаяся проездом в Неаполе, в те дни нанесла визит монархам. И нашла их в состоянии, очень ее удивившем.

Каролина была бледна, ходила взад-вперед по гостиной. Руки ее дрожали. Что же касается Мюрата, то волосы его были в беспорядке, глаза вылезли из орбит, нос и губы распухли, словно бы он только что плакал...

В момент подписания договора бедного короля охватили угрызения совести, а разгневанная королева только что обругала его. В присутствии госпожи Рекамье она продолжала.

– Во имя вас самого, во имя вашей славы, – кричала она, – оставайтесь здесь и не показывайтесь на люди в таком состоянии! Как вы можете предстать таким перед вашим народом!.. Король, который не умеет быть королем!.. Оставайтесь здесь!.. Я приказываю вам!..

Затем она вышла. И тогда Мюрат приблизился к госпоже Рекамье. Он был потрясен.

– Ах, мадам, как иногда бывают несчастны люди, сидящие на троне... Скажите же мне, что я должен сделать, направьте меня... О! Как плохо вы должны думать обо мне!..

– Успокойтесь, сир, – сказала она. – И расскажите, что с вами приключилось!

– Ах! Меня будут называть предателем, – ответил король Неаполитанский. – Меня назовут Мюратом-изменником!..

Затем он распахнул окно, которое выходило на море.

– Смотрите!

И указал ей на английский флот, на всех парусах входящий в Неаполитанский залив.

– Я предатель!

Силы покинули его. Он рухнул в кресло, закрыл лицо руками и зарыдал, словно ребенок.

В этот момент в комнату вернулась Каролина. Увидев скрючившегося в кресле короля, она заставила его встать и сказала:

– Что сделано, то сделано; Теперь вы должны проявить мужество...

А затем горько добавила:

– Возможно, через пять-шесть недель Наполеон будет в Италии!..

Мюрат снова рухнул в кресло.

– Ну же, встаньте! – сказала она. – Мы должны показаться нашему народу!

И она потащила его в карету.

Спустя два дня Мюрат, назначив Каролину регентшей, уехал из Неаполя и отправился воевать с армией принца Евгения, лишив тем самым Наполеона 80 000 солдат в тот момент, когда войска коалиции приближались к Парижу...

Узнав о предательстве короля Неаполитанского, император не поверил своим ушам. Он воскликнул:

– Мюрат!.. Нет, это невозможно!.. Нет. Причина этого предательства – в его жене... Да, это Каролина!.. Она полностью подчинила его себе!.. Он так ее любит!..

И снова любовь...

Глава 9

Нежное письмо Наполеона к Марии-Луизе приводит к падению империи

Никогда ничего не пишите!
Марсель Пруст

Вечером 22 января 1814 года до Наполеона дошли очень тревожные сведения. Армии коалиции прошли через Туль и двигались на Барле-Дюк. Для того чтобы поразмыслить над ситуацией, он отправился принять горячую ванну. Спустя полчаса, покрасневший, как рак, в домашнем халате, он приказал принести к нему карты. Затем покачал головой и пошел к императрице.

– Папаша Франц поступает очень плохо, – сказал он. – Он движется со своими войсками на Париж. Ну, что вы на это скажете?

Мария-Луиза опустила голову. Ее смущение тронуло императора, он обнял ее, поднял, отнес на кровать и незамедлительно и с обычным для него пылом доказал ей, что коварство Франца I ничуть не повлияло на те добрые чувства, которые он к ней питал.

Вся ночь была посвящена самому сладостному из франко-австрийских союзов...

А наутро следующего дня император из донесений узнал о том, что австрийцы и русские подошли к Сен-Дизье. Ситуация стала весьма драматической, и Наполеон решил, что будет полезно устроить небольшое представление. В десять часов утра он собрал всех маршалов и офицеров национальной гвардии в одной из гостиных дворца Тюильри. Затем явился туда с Марией-Луизой и королем Римским и воскликнул тоном, вполне подходившим для театра:

– Господа! Часть территории Франции захвачена. Я собираюсь возглавить мою армию. Надеюсь, что с Божьей помощью и благодаря доблести моих войск мне удастся отбросить врага за пределы страны.

Затем, взяв одной рукой руку императрицы, а другой – руку сына, добавил:

– Доверяю вам все самое дорогое, что у меня есть на земле. Может случиться так, что во время задуманного мною маневра войск враг подступит под стены Парижа. Если это случится, помните о том, что через день-два я спешно приду вам на выручку. Будьте в этом уверены и не верьте никаким слухам.

Глубоко взволнованные офицеры поклялись в том, что до смерти будут верны императору. Затем каждый из них приблизился к нему, чтобы его подбодрить.

Вечером гонец принес Наполеону известие о том, что казаки приближаются к Монтеро.

Новость эта его несколько не обрадовала, он сохранял огорченное выражение лица до самого сна.

24 января, поняв, что дело принимает очень плохой оборот, Наполеон решил встать во главе войск. Но перед этим он заперся в своем кабинете и поспешно сжег все свои тайные документы. За час пламя съело компрометирующие письма, списки его агентов, проекты договоров...

Когда он со всем этим покончил, то позвал к себе брата Жозефа, которого до этого изгнали из Испании и которого он утром сделал генерал-лейтенантом империи.

– Может случиться так, – сказала он брату, – что я не вернусь. Поручаю тебе позаботиться об императрице и о моем сыне.

Швырнув в огонь наброски какой-то речи, он добавил:

– Если я сейчас смогу победить, никогда больше не буду воевать. Это такое ужасное дело... Я стану заниматься только делами моего народа.

Мысль неплохая, но несколько запоздалая...

Затем он отправился в покои императрицы.

– Милая Луиза, я немедленно выезжаю в Витри-ле-Франсуа для того, чтобы остановить врага. На сей раз мы будем биться за Францию.

Мария-Луиза бросилась в его объятия. С глазами полными слез она прошептала:

– А когда ты вернешься?

Наполеон помолчал немного, а потом серьезным голосом ответил:

– Это, моя дорогая, знает только Господь Бог!

Затем он поцеловал короля Римского, прижал в последний раз к груди императрицу и стремительно вышел.

Больше увидеть их ему не было суждено...

Спустя некоторое время после прощания Наполеон покинул Тюильри. Вечером он был в Шалоне. 27 января он дал войскам коалиции бой при Сен-Дизье. 29-го он едва не погиб в стычке с казацким разъездом. 30-го он был вынужден защищать Бриен, городок, в котором он некогда руководил во дворе военного училища битвой с применением снежков...

Несмотря на то что противник имел десятикратное превосходство, император в феврале сумел одержать победы у Монмирая, Шампобера, Шато-Тьерри и Бошама. 20 февраля он дал битву при Монтеро. Именно там он узнал о предательстве Мюрата...

В марте с армией, которая уменьшалась, словно шагреновая кожа, он бился под Лаоном, под Реймсом, под Арси-сюр-Об.

Именно тогда он понял, что, если будет продолжать двигаться на юг, войска коалиции обойдут его и двинутся на Париж.

И он задумал маневр: направиться на север, чтобы преследовавший его противник двинулся вслед и удалился от столицы. Довольный тем, что придумал, как провести войска коалиции, он поспешил поделиться своим замыслом со своей дорогой Марией-Луизой.

И написал ей вот это письмо, которому суждено было изменить всю его судьбу:

«Друг мой, все эти дни я провел в седле. 20-го я был в Арси-сюр-Об. Неприятель напал там на меня в шесть часов вечера. В тот день я дал бой, в котором нашли смерть четыреста вражеских солдат. Я отбил у врага два орудия, но два и потерял, так что мы квиты. 21-го армия противника вступила в бой для того, чтобы прикрыть продвижение своих обозов на Бриен и Бар-сюр-Об. Я принял решение перейти Марну и напасть на его коммуникации для того, чтобы отбросить его подальше от Парижа и Сен-Дизье. Прощай, моя милая, поцелуй моего сына.

Нап.»

И, даже не позаботившись о том, чтобы зашифровать это письмо, Наполеон вручил его нарочному...

Эту невообразимую неосторожность можно объяснить только любовью.

«В тот день, – пишет Жюль Бернар, – Наполеон поступил словно любящий муж, который хочет довериться любимой женщине. Перед тем как начать решительные действия, он испытал настоящую потребность припасть к груди Марии-Луизы и поделиться с ней своими планами. Эта неосторожность и погубила его»³⁵.

И вот спустя несколько дней императрица пригласила в свою гостиную в Тюильри герцога де Ровиго:

– Есть ли у вас какие-нибудь известия от императора?

– Нет, Ваше Величество.

– А вот у меня есть, и я вам сейчас их дам. Я получила их сегодня утром.

Министр полиции сделал удивленное лицо:

– Но никакой почты не поступало!

– Правильно, – сказала Мария-Луиза. – Почты не было. Вы удивитесь еще больше, если я вам скажу, что маршал Блюхер прислал мне письмо от императора, которое он среди многих других обнаружил в почте, которую перехватили вместе с посыльным. Честно скажу, по размышлении меня очень беспокоили последствия, которые может иметь этот случай. Император всегда шифрует письма, которые он мне пишет. Со времени его отъезда все его письма я получала зашифрованными, но вот это, единственное, не было зашифровано, и в нем он сообщает мне о своем плане. Именно оно и попало в руки неприятеля. В этом я вижу неизбежность, которая приводит меня в уныние.

Мария-Луиза имела все основания для беспокойства. Письмо Наполеона было перехвачено неприятелем, переведено и прочитано Блюхером.

Прознав о тайных замыслах императора, военачальникам коалиции оставалось только изменить направление и двинуться на Париж, который теперь становился легкой добычей для них...

Так любовному письму суждено было привести к крушению империи...

Во время последних дней марта 1814 года, когда армии коалиции приближались к Парижу, Наполеон с напряженным лицом, на котором была написана боль, часто садился, прислонясь спиной к дереву. Обхватив голову руками, он по несколько минут оставался, судя по всему, в состоянии глубокой печали.

Ворчуны глядели на него с состраданием, полагая, что его угнетает продвижение неприятеля. Вечерами они разговаривали об этом на бивуаках, восхищаясь тем, что их повелитель так близко к сердцу принимает боль своего народа.

Они, естественно, ошибались. Императора при остановках заставляла так страдать не столько складывавшаяся обстановка, сколько венерическая болезнь, которую он, к несчастью, подцепил до своего отъезда из Парижа³⁶.

Несмотря на мучившую его болезнь, Наполеон, не ведая о том, что его план был раскрыт, силился увлечь за собой войска союзников. Он метался от Дулевана к Сен-Дизье, от Сен-Дизье к Витри, от Витри к Мароллю...

Разумеется, безо всякого толку.

А в это время в Тюильри нарастала паника. Все укладывали вещи, жгли бумаги, паковали сокровища короны. Поскольку русский царь был уже в Бонди, а французские войска сражались в Роменвиле, в Сен-Дени и у заставы Клиши.

Вечером 28 марта собрался Совет под председательством Марии-Луизы с целью принять решение, следует ли регентше и королю Римскому уезжать из Парижа.

Первым взял слово военный министр Кларк. Очень встревоженный происходящими событиями, он высказался за немедленный переезд на Луару.

Его предложение вызвало протест остальных членов Совета, чье мнение выразил Талейран, заявивший, что отъезд Марии-Луизы отдаст Париж в руки роялистов и развяжет коалиции руки для смены правящей династии.

Князь де Беневан был прав. Оставшись в столице и лично встретив своего отца, императрица очень затруднила бы восстановление Бурбонов. Ее положение регентши заставило бы коалицию вести переговоры с ней, как с представителем законной власти. Вне стен Парижа она стала бы всего-навсего беглой государыней...

Кроме того, ее отъезд мог бы сильно разочаровать парижан, поскольку национальная гвардия поклялась императору защищать ее.

Встал государственный министр Буле де Ламерт:

– Ваше Величество, возьмите на руки короля Римского и покажите его народу. Проследуйте по улицам, по бульварам, посетите Городскую ратушу и дайте сигнал к героическим действиям. И тогда весь Париж возьмет в руки оружие и выступит против неприятеля...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.